

ВОСЬМИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Безумие
толпы

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

18+

Несомненно, один из лучших детективов, как, впрочем,
и романов любого жанра, за последнее время.

BookPage (Starred Review)

Звезды мирового детектива

Луиза Пенни

Безумие толпы

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

Пенни Л.

Безумие толпы / Л. Пенни — «Азбука-Аттикус»,
2021 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-24712-3

Луиза Пенни, знаменитый автор детективов о старшем инспекторе Армане Гамаше, в новом романе поднимает жесткие и оттого неудобные вопросы. Что утратило и что приобрело цивилизованное общество после пандемии двадцать первого столетия, которая невольно заставила нас вспомнить о мрачных коллизиях Средневековья? Неужели напуганная, сбитая с толку толпа готова пойти за новым лидером, который провозглашает: «Все будет хорошо»? Хорошо, но не для всех... Эпидемия схлынула. Накануне Нового года в Квебек по приглашению почетного ректора университета приезжает лектор, профессор Эбигейл Робинсон. Тема ее выступления вызывает небывалый ажиотаж, и ректор лично просит старшего инспектора полиции Гамаша обеспечить порядок в зале. Симпатичная Робинсон прекрасно владеет вниманием аудитории, несмотря на острые разногласия среди слушателей. И вдруг звучат выстрелы... Поднимается паника. К счастью, Эбигейл даже не ранена, но Гамашу приходится принять все необходимые меры для ее дальнейшей защиты, хотя... позиция профессора вызывает у него (и не только) крайнее отторжение. Присутствие этой женщины сеет раздор даже в таком тихом месте, как деревня Три Сосны. И несмотря на все усилия полицейских Квебека, в новогоднюю ночь, под гром фейерверка, в считанных шагах от праздничной кутерьмы происходит жестокое убийство... В ходе расследования Гамаш интуитивно хватается за маловероятную версию, и эта нить уводит его в прошлое, к страшному преступлению против человечности, совершенному здесь, в цивилизованной стране... Впервые на русском!

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-389-24712-3

© Пенни Л., 2021

© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвертая	22
Глава пятая	31
Глава шестая	34
Глава седьмая	42
Глава восьмая	48
Глава девятая	54
Глава десятая	62
Глава одиннадцатая	67
Глава двенадцатая	73
Глава тринадцатая	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Луиза Пенни

Безумие толпы

Эта книга посвящена всем тем, кто во время пандемии находился на переднем крае, кто работал, не щадя себя, подчас в невыносимых условиях, ради сохранения нашей жизни. Если ça va bien aller¹, то это благодаря вам.

Луиза Пенни, 2021

Louise Penny

THE MADNESS OF CROWDS

Copyright © 2021 by Three Pines Creations, Inc.

All rights reserved

© Г. А. Крылов, перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

КНИГИ ЛУИЗЫ ПЕННИ
О СТАРШЕМ ИНСПЕКТОРЕ
АРМАНЕ ГАМАШЕ:

Убийственно тихая жизнь
•
Смертельный холод
•
Самый жестокий месяц
•
Каменный убийца
•
Жестокие слова
•
Хороните своих мертвецов
•
Разные оттенки смерти
•
Эта прекрасная тайна
•
Время предательства
•
Долгий путь домой
•
Природа зверя
•
Час расплаты
•
Стеклянные дома
•
Королевство слепых
•
Очень храбрый человек
•
Все дьяволы здесь
•
Безумие толпы

Глава первая

– Это не кажется мне правильным, patron², – прозвучал в его наушнике взволнованный, вибрирующий на грани паники голос Изабель Лакост.

Старший инспектор Гамаш оглядел беспокойную толпу. Шум в аудитории перешел в гвалт.

Год назад такое сборище воспринималось бы не только как невероятное, но и как незаконное. Этим людей утихомирили бы и проверили каждого. Но благодаря вакцине можно было уже не беспокоиться о распространении смертельно опасного вируса. Беспокоиться следовало совсем о другом – о беспорядках.

Арман Гамаш никогда не забудет, как премьер Квебека, его друг, сообщил ему о том, что у них есть вакцина. Премьер тогда плакал, едва мог говорить.

Повесив трубку, Арман почувствовал головокружение. Он ощутил, как на него накатывает что-то похожее на истерику. Ничего подобного прежде с ним не случалось. По крайней мере, с такой силой. Это мало напоминало облегчение, он скорее назвал бы происходящее с ним воскрешением. Хотя воскрешение ждало не всех – и не всё.

Когда наконец поступило официальное сообщение о том, что пандемия преодолена, обитатели деревеньки Три Сосны, в которой жили Гамаша, собрались на деревенском лугу, где зачитали имена тех, кого унес вирус. Новый лес – так называли поляну, расположенную чуть выше церкви. Там близкие умерших посадили деревья.

Потом в преддверии празднования Мирна отперла свой книжный магазин. Сара открыла двери в свою пекарню. Месье Беливо повесил объявление «Ouvert»³ на окне своего магазина, а когда Оливье и Габри возобновили работу своего бистро, все от радости закричали «ура».

На деревенском лугу выстроились в ряд мангалы для барбекю, здесь готовились бургеры, хот-доги, стейки и лосось на кедровой доске. Торты, пирожки и масляные тарты⁴, испеченные Сарой, были выставлены на длинном столе. Билли Уильямс помог Кларе Морроу принести кадушки с лимонадом ее собственного изготовления. Детям отвели площадку для игр, а позднее на лугу развели костер и устроили танцы.

Друзья и соседи обнимались и даже целовались. Хотя все происходящее казалось странным и даже немного неприличным. Одни все еще предпочитали стучаться локтями. Другие пришли в масках, которые стали чем-то вроде четок, кроличьей лапки или медальона с изображением святого Христофора, обещающего безопасное плавание⁵.

Когда Рут закашлялась, все вокруг расступились, – впрочем, вероятно, они сделали бы это в любом случае.

Да, конечно, пережитое на всех наложило отпечаток. У трудных времен длинный хвост.

И это событие в бывшем спортивном зале университета в нескольких километрах от Трех Сосен было жалом в том хвосте.

Старший инспектор Гамаш посмотрел на двери в дальнем конце просторного зала, куда продолжали входить люди.

– Такого ни в коем случае нельзя было допускать, – сказала Лакост.

Он не стал возражать. На его взгляд, все это изначально напоминало безумие. Но действие разворачивалось у них на глазах.

---

² Здесь: шеф, начальник (фр.).

³ Открыто (фр.).

⁴ Масляный тарт – традиционный канадский десерт; тарталетка с начинкой из масла, сахара, кленового сиропа и яиц, запеченная до хрустящей корочки. – Здесь и далее, если особо не оговорено, примеч. перев.

⁵ Святой Христофор является в том числе и покровителем мореплавателей.

– Мы контролируем ситуацию?

Она ответила не сразу.

– Да, но...

Но...

Из-за кулисы на сцене он осмотрел зал и отыскивал взглядом инспектора Лакост – на ее куртке ясно был виден бейдж *Sûreté du Québec*⁶.

Она забралась на плинтус отопительной трубы, откуда могла лучше видеть растущую толпу и направлять агентов туда, где возникали горячие точки.

Хотя Лакост лишь недавно перевалило за тридцать, она уже успела стать одним из самых опытных полицейских в его подчинении. Она участвовала в подавлении беспорядков, освобождении заложников, перестрелках и засадах. Она лицом к лицу сталкивалась с террористами и убийцами. Она получила тяжелое ранение, едва выжила.

В данный момент она почти не выказывала волнения. Но Гамаш ясно ощущал ее взвинченность.

Зрители толкались, пытаясь занять удобные места, с которых лучше видна сцена. В огромном зале здесь и там вспыхивала перебранка. Толчки и словесные потасовки в толпе, не отличавшейся единомыслием, были делом обычным. Полицейским приходилось управлять ситуациями куда более трудными, агенты были хорошо обучены и умели быстро гасить такие вспышки.

Но...

Не успела Изабель сказать об этом, как он почувствовал сам. Всем нутром своим почувствовал. По коже побежали мурашки. В подушечках больших пальцев началось покалывание...

Он видел, что Изабель не спускает глаз с пожилого мужчины и молодой женщины в центре зала. Они отталкивали друг друга локтями.

Ожесточенной борьбы между ними не происходило. Во всяком случае, пока. К тому же через толпу проталкивался агент, чтобы утихомирить этих двоих.

Тогда почему же Лакост устала именно на них?

Гамаш тоже продолжал смотреть на эту пару. А потом почувствовал, как волосы у него встают дыбом.

И у мужчины, и у женщины на зимних пальто было по одинаковой пуговице большего размера, чем остальные, с надписью: «Все когда-нибудь кончается».

Он знал, насколько двусмысленно звучит эта фраза в условиях пандемии. И эта двусмысленность, на взгляд Гамаша, была довольно-таки нездоровой.

Он замер.

За свою тридцатилетнюю карьеру он не единожды патрулировал демонстрации, несколько раз ему приходилось подавлять беспорядки. Он чувствовал возникновение очагов опасности. Симптомы наступающей бучи. И знал, как быстро такие ситуации выходят из-под контроля.

Но за все годы службы в *Sûreté du Québec* ничего подобного тому, что происходило сейчас, он не видел.

Эти двое – мужчина и женщина – были на одной стороне. Об их альянсе свидетельствовали пуговицы на пальто. Но при этом они направляли свою ярость, обычно предназначавшуюся «противной стороне», друг на друга. Злость вырвалась на свободу. Обрушилась на ближайшую голову.

Атмосфера в зале стояла удушающая. Люди оделись, чтобы выйти на мороз, и теперь маялись в своих теплых куртках и пальто, тяжелых сапогах, шарфах и варежках. Они стаскивали шерстяные шапки, засовывали их в карманы, и у многих присутствующих волосы, обычно

---

⁶ Квебекская полиция (*фр.*).

ухоженные, теперь стояли дыбом, словно от ледящего испуга или внезапно пришедшей в голову выдающейся идеи.

Народ, набившийся в зал до отказа, перегрелся как физически, так и эмоционально. Старшему инспектору Гамашу чудился запах обгоревших нервных окончаний, как от неисправной проводки.

Он огорченно посмотрел на высокие окна за спиной Лакост. Они давно были покрашены так, что сейчас не открывались, поэтому попытки впустить внутрь свежий воздух успехом не увенчались.

Натренированный взгляд Гамаша продолжал изучать толпу, впитывая все – видимое и невидимое. Ситуация, чувствовал он, еще не достигла точки кипения, переломного момента. Как старший офицер полиции, он был обязан убедиться, что этого не произойдет.

Если бы градус протеста приблизился к критической отметке, он бы остановил его дальнейший подъем. Но Гамаш знал, что его действия имеют свои риски. Хотя он не забывал и о нравственной стороне дела, – кто он такой, чтобы препятствовать людям, имеющим полное право собираться вместе и выражать свое мнение? – в приоритете всегда оставалась безопасность людей.

Отдай он своим агентам приказ действовать, отменить чтение еще не начавшейся лекции, это могло бы привести к тому самому насилию, которого он хотел избежать.

Не допустить превращения собрания людей в толпу не ахти какая наука. Стратегию можно выучить, он сам инструктировал рекрутов в академии *Sûreté*, учил их обращаться с большими, потенциально опасными собраниями. Но в конечном счете все сводилось к оценке ситуации. И к дисциплине.

Полицейские чины должны уметь контролировать поведение не только толпы, но и свое собственное. Будучи слушателем академии, Гамаш видел подготовленных полицейских во время паники, возникшей на демонстрации, – они ломали строй и начинали лупить сограждан дубинками.

Это было ужасно. Отвратительно.

Подобного никогда не случалось, если он руководил полицейским отрядом, следящим за порядком, однако Гамаш подозревал, что при определенных обстоятельствах этого не избежать. Безумие толпы – вещь ужасная, не дай бог это увидеть. А безумие полиции с дубинками и пистолетами – еще хуже.

Теперь он поочередно запрашивал доклад у своих офицеров. Его голос звучал спокойно и властно.

– Инспектор Лакост, что у вас? – спросил он в микрофон.

После короткой паузы – Лакост взвешивала ответ – она сказала:

– Наши люди контролируют ситуацию. Я думаю, в настоящий момент рискованнее останавливать их, чем позволить продолжать.

– Merci⁷, – сказал Гамаш. – Инспектор Бовуар, как там дела снаружи?

Он всегда использовал официальный тон, когда говорил со своими подчиненными на открытой частоте, и предпочитал называть их по званиям, а не по именам.

Невзирая на протесты инспектора Жана Ги Бовуара, Гамаш назначил (сослал, по словам Бовуара) его на пост у дверей.

В свои тридцать с лишним Бовуар оставался стройным и подтянутым, хотя слегка прибавил в весе. Как и Лакост, он был заместителем Гамаша, к тому же его зятем.

– Народ прибывает – зал не вместит всех, patron, – доложил Жан Ги, стоявший на перевернутом ящике, и поднес руку в перчатке козырьком ко лбу, чтобы защититься от блеска отраженных от снега солнечных лучей.

---

⁷ Спасибо (*фр.*).

Его агенты топали ногами, потирали руки в варежках друг о друга, заставляя кровь бежать быстрее, и смотрели на своего начальника так, словно он нес личную ответственность за пронизывающий до костей холод.

– Я бы сказал, что подтягиваются еще сто пятьдесят, ну, может, сто восемьдесят человек. Они довольно возбуждены. Кто-то толкается, но пока реальных драк нет.

– Сколько уже в зале? – спросил Гамаш.

– Мы насчитали четыреста семьдесят.

– Вы знаете максимальное количество. Что, по-твоему, произойдет, когда наберется это число?

– Трудно сказать. Приходят семьями, приводят детей. Хотя не понимаю, зачем тащить сюда ребенка?

– Согласен.

Итак, в зале дети. Гамаш проинструктировал своих людей в этом отношении: безопасность младшего поколения – самая важная задача, если события начнут разворачиваться по худшему сценарию.

Конечно, все могло обернуться настоящим кошмаром. При возникновении чрезвычайной ситуации люди, стремясь поскорее покинуть какое-либо помещение или пробраться в него, нередко устраивали смертельную давку. И самыми уязвимыми были дети.

– Оружие у кого-нибудь в толпе есть?

– Ни огнестрельного, ни холодного, – доложил Бовуар. – Несколько бутылок. И мы конфисковали кучу плакатов. Людей это сильно злило. Можно подумать, будто в Хартии прав и свобод прописано, что и в каких количествах можно приносить в переполненный зал, если вы принадлежите к какому-то клубу по интересам.

Он посмотрел на груды плакатов, брошенных на снег у кирпичной стены.

Большинство из них были самодельными. Почему-то более зловещими казались плакаты с надписью цветными карандашами: «Ça va bien aller».

«Все будет хорошо».

От одного этого кровь Бовуара закипала. Активисты присвоили фразу, которая во время недавней пандемии обещала утешение. А теперь они извратили ее, выдавая за некое тайное послание, скрытую угрозу. И хуже того – заставляли своих детей произносить эти слова.

Он посмотрел на толпу и увидел, как некоторые из собравшихся проталкиваются вперед, боясь, что не попадут внутрь, в отличие от противников.

– Напряжение нарастает, patron, – сказал Бовуар. – Я думаю, пора закрыть вход.

– Merci, – произнес Гамаш и вздохнул.

Он, безусловно, принял во внимание совет Бовуара и даже считал, что тот, вероятно, прав, однако должен был признаться самому себе, что в данном конкретном случае не доверяет суждению своего заместителя. Оно, без всяких сомнений, окрашивалось личными чувствами. Именно поэтому он, невзирая на возражения Бовуара, предписал ему находиться у входа, а не внутри, не в зале.

Гамаш посмотрел на часы. Без пяти четыре.

Настало время действовать. Запретить или допустить.

Он еще раз оглянулся и посмотрел на двух женщин средних лет. Они стояли друг возле друга в темноте кулис.

Та, что слева, в черных слаксах и серой водолазке, держала в руках блокнот-планшет и явно волновалась.

Но внимание Гамаша привлекла другая женщина.

Профессор Эбигейл Робинсон кивала, слушая собеседницу. Она положила руку на предплечье коллеги и улыбалась. Она сохраняла спокойствие. И сосредоточенность.

На ней был голубой кашемировый свитер и юбка цвета верблюжьей шерсти до колена. Пошитая на заказ. Простая, классическая. Такую юбку, подумал Гамаш, вполне могла бы надеть его жена Рейн-Мари.

Мысль эта была не очень приятна.

Именно из-за Эбигейл Робинсон, университетского профессора, специалиста по статистике, все эти люди в морозный декабрьский день вышли из дому и собрались здесь.

Они могли бы кататься на лыжах или на коньках, могли бы сидеть у камина с чашкой горячего шоколада. Но предпочли другое: набиться в этот зал, толкать и пихать друг друга. В надежде получше разглядеть этого специалиста по статистике.

Одни пришли поддержать ее, другие – освистать и выразить свой протест. Третьи – чтобы послушать, четвертые – чтобы забросать критическими вопросами.

А некоторые – может быть, кто-то один, – чтобы сделать кое-что похуже.

Старшему инспектору еще предстояло познакомиться с этой женщиной, которая собиралась выйти на сцену, хотя ее помощница, представившаяся как Дебби Шнайдер, подошла к нему, как только они с профессором тут появились, и предложила нечто, похожее на любезность: беседу тет-а-тет.

Он отказался, объяснив, что должен работать. И приступил к своим обязанностям.

Но он был честен перед собой и в глубине души признавал, что, будь это кто-нибудь другой, он бы с удовольствием согласился на разговор. Сам бы попросил об этом, чтобы рассказать о мерах безопасности. Определить некоторые правила. Заглянуть в глаза и установить личный контакт между защитником и подзащитным.

Впервые за всю карьеру он вежливо отказался познакомиться с человеком, за жизнь которого нес ответственность. Вместо этого он обговорил все меры безопасности с мадам Шнайдер и тем ограничился.

Он повернулся к залу. Солнце уже садилось. Через двадцать минут на землю опустится темнота.

– Продолжаем, – сказал он.

– Oui, patron⁸.

---

⁸ Да, шеф (*фр.*).

Глава вторая

Гамаш еще раз обошел закулисное пространство, выслушал доклады находящихся там агентов. Проверил двери и темные закутки.

Он попросил технический персонал включить свет.

– Кто эти люди? – спросила девушка-звукооператор, мотнув головой в сторону собравшихся. – Кто назначает лекцию в дни между Рождеством и Новым годом? Кто приходит на нее?

Это были хорошие вопросы.

Гамаш заметил несколько знакомых лиц в толпе. Он знал их как весьма милых, достойных людей. У кого-то на верхней одежде виднелись большие пуговицы. У кого-то их не было.

Сюда пришел кто-то из его соседей. Даже друзей. Но большинство присутствующих он видел в первый раз.

Квебекское общество составляли люди, отличавшиеся сильными чувствами, и они не боялись их выражать. Это было хорошо. Это означало, что они здесь делают нечто полезное. Цель любого здорового общества состоит в том, чтобы дать людям возможность выражать непопулярные подчас мнения.

Но у такого выражения были свои пределы, определенные рамки. И Арман Гамаш знал, что его задача – не позволить собравшимся переступить их.

Если прежде у него возникали мысли о том, что он, возможно, на многое чересчур остро реагирует, то теперь они развеялись. Это произошло в тот же день, но чуть раньше, когда он с Бовуаром и Лакост отправился сюда для заключительной проверки.

Подъехав, полицейские удивились при виде припаркованных на стоянке машин и очереди у входа в зал. Люди на этом лютном холоде переступали с ноги на ногу, похлопывали себя по бокам, потирали руки в варежках. Над головой у них висели облачка пара от дыхания, похожие на изображение внутренних монологов в комиксах, только их было не прочесть.

До лекции оставалось еще несколько часов.

Гамаш снял перчатки, вытащил блокнот и, выдрав из него несколько страниц, начал выдавать каждому стоящему в очереди клочок бумаги с его именем и номером по порядку.

– Возвращайтесь домой. Согрейтесь. Когда вернетесь, покажите этот листок полицейским у входа. Они вас немедленно пропустят.

– Не могу, – сказала женщина в начале очереди, взяв у Гамаша листок. – Мы приехали из Монктона.

– Из Нью-Брансуика? – спросил Бовуар.

– Да, – ответил ее муж. – Всю ночь добирались.

Сзади стали напирать на стоящих впереди, протягивали руки, хватали листки с номерами, словно голодные еду.

– Местное кафе будет работать, – сказала Изабель Лакост. – Идите туда, закажите ланч и возвращайтесь к половине четвертого, когда тут откроются двери.

Некоторые так и поступили. Но большинство предпочло остаться, они по очереди грелись в машинах.

Когда полицейские вошли в здание, Лакост пробормотала:

– «Когда были посеяны те гнева семена и на какой земле...»

Эти слова из стихотворения их общего друга Рут Зардо очень подходили к ситуации. Впрочем, полицейские прекрасно знали, кто посеял эти семена, прораставшие прямо у них под ногами.

И не радость, не счастье, не оптимизм заставили эту пару из дальней провинции проехать почти тысячу километров ночью по заснеженной, обледеневшей дороге, чтобы оказаться здесь.

И вовсе не ради удовольствия люди поднялись из кресел перед камином. Оставили свои семьи. Их рождественские елки весело мигали огоньками гирлянд, ужин с индейкой дожидался в холодильнике. Подготовка к встрече Нового года была в самом разгаре.

Они бросили все это, чтобы стоять здесь на зимнем холоде.

Потому что семена гнева, посеянные элегантным статистиком, дали корни.

В бывшем спортивном зале полицейских ждал зритель здания Эрик Вио. Гамаш, на которого обязанность следить за порядком на лекции свалилась неожиданно, успел познакомиться с Эриком накануне.

Арман в тот день отправился на каток Трех Сосен с Рейн-Мари и двумя внуками. Он надел коньки и опустился на колени, чтобы завязать шнурки восьмилетней Флоранс, в то время как Рейн-Мари помогала с экипировкой маленькой Зоре.

Это были первые коньки девочек – подарок от бабушки с бабушкой.

Флоранс, с покрасневшими на морозе щеками, горела желанием поскорее присоединиться к другим детям на катке.

Ее младшая сестренка Зора хранила молчание и была настроена скептически. Она, казалось, не испытывала уверенности в том, что ей понравится передвигаться по замерзшему пруду с такими здоровенными лезвиями на ногах. И вообще сильно сомневалась в том, что это хорошая идея.

– Па! – раздался крик Даниеля от дома.

– Oui?

Даниель, высокий, крепкий, в джинсах и клетчатой фланелевой рубашке, стоял на крыльце. В руке он держал сотовый телефон.

– Это тебя. По работе.

– Не мог бы ты ответить, *s'il te plaît*?⁹

– Я пытался, но это явно какое-то важное дело.

Арман выпрямился, чуть поскользнулся на собственных коньках.

– С тобой говорили паническим голосом?

– Non¹⁰.

– Слушай, скажи им, что у меня тоже важное дело, я перезвоню через двадцать минут.

– D'accord¹¹, – сказал Даниель и исчез внутри.

– Может быть, Жану Ги ответить? – предложила Рейн-Мари, которая тоже выпрямилась и стояла на коньках гораздо тверже мужа.

Они посмотрели на холм с дорогой, ведущей из деревни. Их зять Жан Ги Бовуар со своим сыном с трудом поднимались по склону к вершине. Жан Ги тащил за собой новые санки, подарок от Пер-Нозля¹².

На самом первом своем спуске мальчик вцепился в отца и визжал, пока санки не замерли внизу. Визг стал восторженным, когда следом за ними помчался Анри, немецкая овчарка Гамашей.

Они скатились с вершины холма, пролетели мимо Нового леса, мимо церкви Святого Томаса, мимо каменных, кирпичных и обитых вагонкой домов. Остановились они, врезавшись в мягкий снег на деревенском лугу.

– Ну и легкие у вашего внука, – сказала Клара Морроу.

Она со своей лучшей подругой Мирной Ландерс стояла перед входом в книжный магазин Мирны, держа в руках стаканы с ромовым пуншем.

---

⁹ Пожалуйста (*фр.*).

¹⁰ Нет (*фр.*).

¹¹ Договорились (*фр.*).

¹² Пер-Нозль – рождественский фольклорный персонаж во Франции и в других франкоязычных странах, раздающий подарки детям в ночь на Рождество.

– Мне показалось – или он выкрикивал какое-то словечко? – спросила Мирна.

– Non, – тут же возразила Рейн-Мари, не глядя в глаза подругам. – Он просто орал.

И в этот момент истошный крик снова пронзил воздух – Оноре с отцом опять неслись вниз по склону.

– Вот это мой мальчик, – сказала старая поэтесса Рут, сидевшая на скамье между Флоранс и Зорой; на руках у нее разместились проборматывающая что-то утка Роза.

– Дедушка, а что кричит Оноре? – поинтересовалась Флоранс.

– Похоже на то, что говорит Роза, – заметила Зора. – Но что это значит – «фа...»?

– Я тебе потом объясню. – Арман сердито посмотрел на Рут, которая посмеивалась, слыша, как Роза с довольным видом бормочет: «Фак, фак, фак».

Правда, утки постоянно что-нибудь бормочут.

Роза и Арман сыграли быструю партию в гляделки, и он очень быстро проиграл, моргнув первым.

В течение следующих нескольких минут Арман и Рейн-Мари поддерживали внучек, которые, спотыкаясь, двигались по льду. Они делали первые шаги навстречу большой любви на всю жизнь – любви к катанию на коньках. А когда-нибудь настанет день и они станут обучать этому искусству своих внучек.

– Смотрите, смотрите! – закричала Флоранс. – Смотрите на меня. Ф-ф-фа...

– Oui, – оборвал ее дед, заметив краем глаза, что Рут, сидящая на скамье, даже не пытается скрыть довольной улыбки.

Когда перевалило за полдень, все были приглашены к Кларе на ланч из горохового супа, теплого хлеба из духовки, набора квебекских сыров и пирога из пекарни Сары.

– И еще будет горячий шоколад, – сказала Клара.

– Я так понимаю, что это зашифрованное название выпивки, – сказала Рут, поднимаясь со скамьи.

Арман отнес коньки домой, а когда зашел в свой кабинет, увидел записку с сообщением, принятым по телефону Даниелем. Из своего зимнего шале в Мон-Трамблане звонила старший суперинтендант Sûreté du Québec.

Гамаш ответил на звонок и с удивлением выслушал старшего суперинтенданта.

– Лекция? Статистика? – переспросил он. В окно он видел, как его семейство идет по деревенскому лугу в маленький, облицованный плитняком коттедж Клары. – А администрация кампуса своими силами не может с этим справиться?

– Вы знаете эту Эбигейл Робинсон? – спросила начальница.

Имя Гамаш слышал, но в связи с чем – вспомнить не мог.

– Имею весьма смутное представление о ней.

– Вам, пожалуй, надо разузнать про нее в Сети. Мне правда, Арман, очень жаль. Университет неподалеку от вас, а лекция продлится всего один час. Я бы вам не позвонила, если бы думала, что там все пройдет гладко. Да, и есть еще кое-что.

– Oui?

– Они просили, чтобы именно вы взяли это на себя.

– Они?

– Ну кое-кто в университете. Насколько я понимаю, у вас там есть друг.

«Какой еще друг?» – подумал Гамаш, пытаясь понять, кто бы это мог быть. Некоторых профессоров он знал.

Он принял душ, переоделся, набросал записку Рейн-Мари и отправился в путь – университет находился в нескольких километрах от Трех Сосен, и там его ждал зритель.

Место проведения лекции, до того как построили новый спортивный комплекс, представляло собой спортивный зал Université de l'Estrie. И теперь университет сдавал его в аренду. Там проходили различные общественные мероприятия: благотворительные балы, встречи выпуск-

ников, слеты. Арман и Рейн-Мари ездили туда в конце лета на торжественный обед. То было первое разрешенное после официального объявления об окончании пандемии собрание, цель которого состояла в сборе средств для организации «Врачи без границ», одной из многих, испытывавших финансовые трудности из-за резкого падения пожертвований во время кризиса.

С тех пор прошло несколько месяцев.

Арман потопал ногами, сбивая снег с обуви, и представился зрителю месье Вио. Они стояли в середине большого зала, и под ногами еще можно было разглядеть выцветший и вытопанный круг, обозначающий центр баскетбольной площадки. В воздухе все еще висел безошибочно узнаваемый едкий запах пота, избавиться от которого было невозможно даже по прошествии нескольких лет, хотя юнцы, оставившие его, давно уже, вероятно, стали отцами и забыли о своих спортивных увлечениях.

Напротив входных дверей в дальнем конце прямоугольного помещения имелась сцена, по боковой стене с одной стороны шел ряд окон.

– Вы знаете вместимость зала? – Голос Гамаша эхом отдавался от стен просторного пустого помещения.

– Не знаю. У нас не было возможности посчитать. Зал никогда не заполнялся до отказа.

– И пожарный департамент не давал вам цифру наполняемости?

– Вы имеете в виду добровольную пожарную охрану? Нет, такой цифры нам не давали.

– А спросить вы можете?

– Конечно. Но ответ знаю. Я старший по пожарной безопасности. Слушайте, я могу вам сказать, что здание отвечает всем требованиям. Тревожная сигнализация, огнетушители, запасные выходы – все это есть, оборудование в рабочем состоянии.

Гамаш улыбнулся и прикоснулся пальцами к предплечью собеседника:

– Я вас не критикую. Извините, что задаю эти вопросы и порчу вам праздничные дни.

Зритель облегченно вздохнул:

– У меня такое подозрение, что и у вас сегодня были другие планы.

Что правда, то правда. Подъехав к бывшему спортивному залу, Арман некоторое время сидел в машине, просматривая сообщения. Рейн-Мари прислала фотографию с ланча у Клары. На фото была их дочка Анни с малюткой Идолой в костюмчике с оленьими рожками.

Он улыбнулся и легонько прикоснулся к личику Идолы пальцем. Потом убрал телефон и вошел в здание.

Чем быстрее он начнет осмотр, тем быстрее вернется домой. Может, ему оставят кусочек-другой пирога.

– Понятия не имею, почему университет согласился на эту заявку, – сказал зритель и повел старшего инспектора осматривать здание. – За два дня до Нового года. И все в последнюю минуту. Вы только представьте: я получил электронное письмо с извещением только вчера вечером. Что за долбаная бесцеремонность, прошу прощения за мой французский! И кто вообще эта дама? Никогда про нее не слышал. Она певица? Им понадобится один микрофон или больше? Мне ничего не сказали.

– Она приглашенный лектор. Говорить будет по-английски. Достаточно трибуны и микрофона.

Месье Вио остановился и уставился на Гамаша:

– Лекция? На английском? У меня отняли день катания на лыжах с семьей, потому что кому-то хочется поговорить? – Его голос с каждым словом поднимался все выше. – Вы шутите?

– К сожалению, нет.

– Господи Иисусе, – проговорил зритель. – Неужели она не могла снять какой-нибудь уличный туалет? И почему здесь вы? Полицейский начальник? О чем она будет говорить?

– О статистике.

– Да бога ради, сюда же никто не придет. Пустая трата времени.

Гамаш поднялся на сцену и оглядел зал.

Он был согласен со зрителем. Его удивит, если сюда явятся хотя бы пять десятков слушателей. Но Арман Гамаш был человеком осторожным. И осторожности его научили тридцать лет службы в полиции, на протяжении которых он не раз видел тела тех, кто перед смертью успел удивиться.

– Я подготовлю перегородки, старший инспектор, – сказал месье Вио.

Они спустились со сцены и направились к выходу, где мороз, позарившись на дверные ручки, инкрустировал их серебром.

– У вас, случайно, нет чертежей здания?

– В моем кабинете.

Вио вернулся с несколькими рулонами бумаги, вручил их Гамашу и теперь, перед тем как запереть двери и уйти, исподтишка бросал на полицейского изучающие взгляды.

Когда Гамаш позвонил, чтобы договориться о встрече, Вио, конечно, сразу вспомнил его имя. Узнал он Гамаша и в лицо, когда тот приехал. Странно было встретиться с человеком, который и во время пандемии, и раньше часто появлялся на экране телевизора. Хотя месье Вио слышал, что глава отдела по расследованию убийств живет где-то поблизости, их пути никогда не пересекались.

А теперь перед ним стоял крупный мужчина ростом чуть более шести футов. Несмотря на объемистую куртку, было очевидно, что Гамаш крепко сложен, но отнюдь не грузен. По возрасту он, вероятно, приближался к шестидесяти. Седые волосы вились на висках. И конечно, на виске виднелся глубокий шрам – по нему Гамаша можно было узнать безошибочно.

Еще зритель отметил, что морщины не столько бороздят лицо полицейского, сколько размечают его. И Вио мог догадаться о происхождении этой разметки.

Они вышли на улицу, и, хотя знали о сегодняшнем трескучем морозе, от холода у них перехватило дыхание. Холод обжег их лица, выжал слезы из глаз. Снег скрипел под ногами, когда зритель провожал Гамаша до машины.

– И все-таки по какой причине вас направили сюда? – спросил Вио.

Гамаш прищурился на солнце. Сугробы отражали столько солнечных лучей, что в их сиянии он почти не различал своего спутника.

– Именно этот вопрос я и задал моему начальству, – с улыбкой ответил Гамаш. – Если откровенно, месье Вио, то я не знаю.

Но тогда Арман Гамаш еще не успел провести предварительное расследование. Он не знал важных подробностей о персоне, которая будет стоять на трибуне. И о статистике, которой та собирается поделиться с аудиторией.

А теперь, когда лекция вот-вот должна была начаться, старший инспектор посмотрел поверх голов собравшихся и увидел месье Вио. Тот стоял в другом конце зала, у дверей. Он опирался на рукоятку швабры и потрясенно взирал на людской поток, непрерывно вливающийся в зал.

По полученным от Вио чертежам Гамаш сумел рассчитать, что максимальная вместимость зала составляет шестьсот пятьдесят человек, с учетом того, что все они будут стоять. Он «округлил» это число до пяти сотен, предполагая, что и этого количества не наберется.

Но по мере того как он продолжал свои разыскания, его сомнения становились все сильнее.

Вечерами, когда его домашние отправлялись спать, он смотрел записи лекций, прочитанных профессором Робинсон. Многие из этих видео в последние недели стали вирусными.

То, что могло показаться сухими статистическими данными, превратилось практически в мессианское послание населению, которое изголодалось по надежде, отчаянно искало ее.

Хотя пандемия осталась в прошлом, люди никак не могли оправиться от случившегося. Они устали от самодисциплины, самоизоляции. От социального дистанцирования, от масок.

Они были измучены, травмированы бесконечными месяцами тревог за детей, за родителей, за бабушек и дедушек. За себя.

Словно незаживающие раны, их терзали утраты родных, друзей. Потеря работы и любимых увлечений. Они устали от изоляции, они чуть не сходили с ума от одиночества и отчаяния.

Они устали бояться.

Профессор Эбигейл Робинсон с ее статистикой доказывала, что впереди их ждут лучшие времена. Что экономика оправится, станет сильнее, чем прежде. Система здравоохранения сможет ответить на все их потребности. Больше не будет никакой нехватки больничных коек, оборудования, лекарств. Никогда.

И населению больше не придется приносить сотни жертв. Его попросят пойти всего на одну.

Вот эта-то «всего одна» жертва и стала камнем преткновения.

Доклад Робинсон был подготовлен по заказу правительства и принят Королевской комиссией по исследованию социальных и экономических последствий пандемии. По исследованию возможных вариантов выбора и принятых решений. Профессору Робинсон, старшему научному сотруднику и главе кафедры статистики в одном из университетов на западе страны, поставили задачу: уточнить цифры и предложить рекомендации.

Она предложила всего одну рекомендацию.

Но, ознакомившись с докладом, Королевская комиссия отказалась предать этот документ гласности.

И тогда профессор Робинсон решила сделать это лично. Она провела небольшой семинар для коллег-статистиков. Семинар транслировался в Сети для тех, кто не смог на нем присутствовать.

Арман нашел это видео и прослушал Эбигейл Робинсон, стоявшую перед своими таблицами и графиками. Глядя умными глазами на слушателей, она проникновенно говорила о числе умерших, выживших, о ресурсах.

Другие тоже нашли это видео. Не только ученые, но и обычные люди. Этой записью делились снова и снова. Профессора Робинсон стали приглашать на чтение публичных лекций. Дальше – больше. Аудитория стремительно росла.

Ее послание сводилось к трем словам, которые теперь можно было часто увидеть на футболках, бейсболках и больших круглых пуговицах.

«Все будет хорошо».

То, что начиналось как скучный научный проект, обреченный пылиться в одном из правительственных кабинетов, сорвалось с якоря. Стало публичным. Множилось в геометрической прогрессии. Началось маргинальное движение. Оно пока не стало мейнстримом, но Гамаш чувствовал, что это не за горами. Послание Робинсон распространялось со скоростью, не уступавшей скорости распространения пандемии. Оно находило людей, восприимчивых именно к такой странной смеси надежды на будущее и страха перед тем, что может случиться, если проигнорировать Робинсон.

«Все будет хорошо».

«Все будет хорошо, и все вещи, какие только есть, будут приведены ко благу»¹³.

Эти слова принадлежали одному из любимых авторов Гамаша, христианскому мистiku Юлиане Норвичской¹⁴, которая предлагала надежду во времена великих страданий.

---

¹³ Цитируется по книге Н. Арсеньева «О Жизни Преизбыточествующей» (1966).

¹⁴ *Юлиана Норвичская* (или Нориджская, также Юлиания из Норича) (1342–1416) – английская духовная писательница; считается первым автором-женщиной, написавшей книгу на английском языке.

Но, в отличие от Юлианы Норвичской, бренд профессора Робинсон имел темную сердцевину. Когда Робинсон говорила: «Все будет хорошо», она вовсе не подразумевала все. Или всех.

На ее лекциях стали появляться другие пуговицы, продававшиеся для сбора денег, чтобы – насколько понимал Гамаш, сидя в своем тихом кабинете, рядом с которым в гостиной светились гирляндами рождественская елочка, – научное исследование переросло в крестовый поход.

Участники новой группы поддержки носили пуговицы с более мрачной цитатой. Ее он тоже узнал: это была строка сумасшедшей и в то же время блестящей поэтессы. Старой поэтессы с чокнутой уткой.

«Не будет ли тогда, как прежде, *СЛИШКОМ ПОЗДНО?*» «Слишком поздно» было написано прописными и курсивом. Как крик. Вопль. Предупреждение и обвинение.

Через несколько коротких месяцев исследовательский проект превратился в движение. Незвестный ученый превратился в пророка.

И когда обе явно противоборствующие стороны окрепли и столкнулись, надежда обратилась в произвол. Одни видели в том, что предлагала профессор Робинсон, единственный путь вперед. Милосердное и практическое решение. Другие воспринимали это как оскорбление. Постыдное поправление всего, что считалось священным.

Шум в зале все усиливался. Арман Гамаш оглянулся на женщину средних лет, ожидающую выхода на сцену, и подумал, что пророк вот-вот превратится в мессию. Или в мученика.

Глава третья

Накануне вечером, когда детей искупали, уложили в кровать и в доме воцарилась тишина, Жан Ги Бовуар заглянул в кабинет тестя.

Вообще-то, он возвращался из кухни, куда зашел за последним оставшимся рождественским фруктовым кексом, но увидел свет, пробивавшийся из-под двери.

Помедлив секунду-другую, Жан Ги принял решение и постучал.

– Entrez¹⁵.

В темных волосах Жана Ги уже появились белые пряди, а на его привлекательном лице, порозовевшем после дня на ярком солнце и холодном ветре, – суровые морщины. Впрочем, он давно уже дал понять, что для него слово «посуровевший» предпочтительнее слова «порозовевший».

В данный момент он смотрел на тарелку, которую держал в руках. Изрядная порция густой помадки таяла на ароматном кексе – Жан Ги только что подогрел его в микроволновке.

Он проглотил слюну, потом поставил тарелку перед тестем.

– Вот. Мирна принесла днем, когда мы строили снежную крепость, а вы дремали.

Жан Ги улыбнулся. Он прекрасно знал, что тесть выезжал днем по делам. Он вызвался было поехать вместе с Гамашем, но тот – редкий случай! – сказал, что Бовуар может наслаждаться праздничными днями. И Бовуар, воспользовавшись этим редким случаем, не стал настаивать.

Жан Ги с семьей переехал в Монреаль из Парижа и недавно вернулся в Sûreté, разделив обязанности первого заместителя с Изабель Лакост.

После ограничений, после ужасов пандемии эти рождественские каникулы в Трех Соснах были желанным отдохновением. Облегчением.

* * *

Вернувшись домой с прогулки, дети переоделись в теплое и сухое, а потом с чашками горячего шоколада расселись на диване. Собаки – Анри, старик Фред и малютка Грейси (возможно, собачка, а возможно, и хорек) – улеглись перед камином и задремали.

Деревенские жители из тех, кто поумнее, ставили на то, что Грейси из породы бурундуков. Но Стивен Горовиц, крестный отец Армана, живший теперь с Гамашами, с удовольствием отстаивал утверждение, что Грейси крыса.

– Ребятки, крысы – очень умные животные, – сказал девятилетний бывший финансист детям, когда они устроились рядом с ним на диване.

– Откуда ты знаешь? – спросила Зора, самая серьезная из всех.

– Оттуда. Я был одним из них.

– Ты был крысой? – удивилась Флоранс.

– Да. Большой такой, жирной крысой с длинным-длинным шелковистым хвостом.

Они смотрели на него широко распахнутыми глазами, а он забавлял их историями своих приключений в качестве крысы на Уолл-стрит и Бей-стрит. На рю Сен-Жак в Монреале и на Бурс¹⁶ в Париже.

Это было днем. Теперь все они лежали в кроватях. Спали.

Хотя один из них все еще ворочался в постели.

---

¹⁵ Входи (фр.).

¹⁶ Парижская фондовая биржа.

Арман поставил видео на паузу и поднял глаза. Он слышал знакомый треск и хруст по мере понижения температуры и проникновения мороза в кости старого дома. Было что-то бесконечно утешительное в мысли о том, что его близкие забылись сном в своих постелях и находятся в безопасности.

– Merci. – Арман кивнул в сторону тарелки и благодарно улыбнулся Жану Ги.

Потом снял очки и потер глаза.

– Это та, кого нужно охранять? – спросил Жан Ги.

Он сел за стол и показал на ноутбук.

– Oui.

Ответы Армана были необычно лаконичны, и Жан Ги стал разглядывать изображение на экране.

Он видел на трибуне женщину средних лет, она улыбалась. У нее была приятная улыбка. Не ухмылка. В ней не чувствовалось злобы, не чувствовалось желчи. Ничего высокомерного или маниакального.

– Что-то не так?

Жан Ги посмотрел на тестя и увидел глубоко обеспокоенного человека.

Арман бросил свои очки на стол и кивнул в сторону экрана:

– Это запись последнего выступления Эбигейл Робинсон перед Рождеством. Я прослушал ее речь и позвонил ректору университета, попросил его отменить ее завтрашнюю лекцию.

– Правда? И что он ответил?

– Он сказал, что я драматизирую ситуацию.

После того разговора Арману захотелось поверить ректору. Ему захотелось свернуть чертежи в рулоны, выключить ноутбук, надеть теплую куртку и присоединиться к семье, гулявшей на улице.

Ему хотелось сидеть рядом с внуками, согревавшими ноги под тяжелым ковром, и смотреть, как размахивает хвостом Глория, впряженная в большие красные сани, на северной дороге, ведущей из деревни.

Но вместо этого он сел в машину и поехал в Норт-Хэтли поговорить с почетным ректором.

Глава четвертая

Старший инспектор Гамаш снял куртку и сапоги и прошествовал за почетным ректором в ее гостиную.

– S’il vous plaît¹⁷, Арман. – Она указала на удобное кресло у камина.

Повсюду в комнате были книги, а над каминной полкой висела картина Александра Янга Джексона. Гамаш посмотрел на полотно, затем подошел к французскому окну в конце очаровательной комнаты. Он встал перед стеклом, сцепив руки за спиной и глядя на озеро Масавиппи. Большое замерзшее озеро, окруженное густым лесом. Огромное поле, сверкающее белизной. Но не полностью. Прямо перед домом у самого берега виднелся очищенный от снега прямоугольник – там был залит каток.

Сейчас там играли в хоккей, хотя как игроки отличали своих от соперников, Гамаш понять не мог. На всех были свитера «Абс»¹⁸ – «Монреаль Канадиенс».

– Ваши? – спросил Гамаш, когда она подошла к нему.

– И еще соседские ребяташки, но да, в основном мои внуки. У вас с Рейн-Мари теперь тоже есть парочка.

– Уже две парочки.

– Четверо? Для хоккейной команды маловато, но почти комплект.

– Они только начали кататься, – сказал он, когда они вернулись к креслам. – Разве что на четвереньках будут играть.

В комнате было тепло, уютно. Она точно отражала характер почетного ректора.

Колетт Роберж на протяжении последних двух лет занимала в университете в основном церемониальный пост. Перед этим она ушла в отставку с поста декана математического факультета и получила звание почетного профессора.

Гамаш считал ее своим другом, хотя и не близким.

– Кофе? – предложила она.

– Non, merci.

– Чай?

– Спасибо, Колетт, я ничего не хочу. – Он улыбнулся, дождался, когда она сядет, потом сел сам. – Как Жан-Поль? Хотел бы поздороваться с ним.

– Он на площадке внизу, судит матч. Как ваша семья? Благополучно пережили пандемию?

– Да, цветом и процветаем, спасибо.

– А Стивен? После происшествия в Париже?¹⁹

– Он все тот же старый Стивен.

– Ну, это не к добру, – сказала она с улыбкой.

Почетный ректор Роберж в свои семьдесят с хвостиком была неутомимым защитником университета и блестящим ученым. Сегодня, в самый разгар этих больших семейных праздников, она нашла время принять Гамаша, словно это давно планировалось.

А может быть, подумал он, это и в самом деле планировалось.

– Так что я могу сделать для вас, Арман?

– Я приехал поговорить о профессоре Эбигейл Робинсон.

---

¹⁷ Здесь: прошу вас (фр.).

¹⁸ «Абс» (иногда «Хабс», от фр. habitants – местные жители) – прозвище монреальской хоккейной команды. Так англоязычное население Канады называло франкофонов провинции Квебек.

¹⁹ Об этом читайте в романе «Все дьяволы здесь».

Ее четко очерченные брови чуть приподнялись. Ухоженные руки легли одна на другую; он заметил, что пальцы немного сжались. Но выражение лица оставалось приветливым.

Почетный ректор была достаточно умна, чтобы изображать неведение.

– Да? А что с ней такое?

– Вы наверняка знаете, что завтра она читает лекцию в университете.

– Да, я знаю об этом.

– И одобряете то, что ее пригласили?

– Это не входит в мои полномочия – одобрять или нет. – В ее голос прокралась прохладца. Заблаговременное предупреждение. – Как и в ваши.

Он закинул ногу на ногу, ненавязчиво давая понять, что он чувствует себя в своей тарелке и не поддается запугиваниям.

Увидев это, почетный ректор поднялась и подбросила полешко в камин, отчего в дымоход взметнулся сноп искр. Это было ее ответным посланием.

Ей торопиться некуда.

– Перехожу прямо к делу, – сказал он. – По моему мнению, эту лекцию не следовало разрешать. Но раз уж такое произошло, то полагаю, что ее надо отменить.

– И вы с этим приехали ко мне? При всем желании я ничего не смогла бы сделать. Вы знаете: моя должность – исключительно номинальная. Реальных полномочий у меня нет.

– Я обращался к ректору.

– Правда? И что он сказал?

Гамаш услышал нотку любопытства в ее голосе.

Ректор университета, будучи титаном в своей научной сфере, оставлял желать лучшего как руководитель и политик.

– Он отказал мне.

– Дайте-ка угадаю, что он вам говорил. – Она закрыла глаза. – Задача университета: предоставить безопасную трибуну для голосов протеста.

Открыв глаза, она увидела улыбку на лице гостя.

– И он прав, – сказал Гамаш.

– Нет.

– Но это никакой не голос протеста. – Гамаш подался к ней. – Вы человек влиятельный, Колетт. Вы можете обратиться к совету попечителей. Они вас уважают. Соберите интернет-конференцию.

– И что я им скажу?

– Что такого рода лекция под видом научности не только лишена смысла, но и опасна. Что, становясь организатором такой лекции, университет рискует своей репутацией.

Она задержала на нем взгляд на секунду. Потом еще на одну. Будто что-то взвешивала, хотя Арман удивился бы, если бы ему сказали, что она не была готова к такому разговору. И заранее не обдумала ответы.

У них это было общим. И она, и он умели предвосхищать события. Он точно так же просчитывал ходы по пути к ней. Его аргументы не всегда обеспечивали ему победу, да он и не ожидал, что в любом споре выйдет победителем. Исход некоторых сражений был предопределен. Но иногда одного его появления было достаточно, чтобы спутать карты противной стороны.

И он не мог не попытаться сделать это теперь.

– Если вы считаете, что лекция опасна, то отмените ее собственной властью, – сказала Колетт. – А она у вас есть – вы ведь один из старших чинов Sûreté. Сделайте это, если полагаете, что Эбигейл нарушает закон. Отменяете?

– Нет. Если бы я собирался отменить эту лекцию, то не приехал бы к вам, как бы ни было приятно вас видеть.

Она улыбнулась, услышав это.

– Значит, Арман, вы хотите, чтобы грязную работу за вас сделала я? Вы не хотите злоупотреблять собственными полномочиями, вы хотите, чтобы я злоупотребила своими.

Он понимал, что тонкая корочка льда ползет в его сторону, однако следующая фраза Колетт удивила его.

– Хотите спрятаться за спиной семидесятилетней женщины? Неужели вы такой трус?

Он наклонил голову, быстро пересматривая ситуацию. Ее слова были прямым, даже грубым, личным выпадом. Но они не обидели его. Он знал, что не трус. Более того – и она знала это.

Армана во многом обвиняли за годы службы, но даже его враги не осмеливались бросить слова о трусости ему в лицо.

Почему же это сделала почетный ректор? Недостойный поступок для женщины, которую он знал и уважал.

Он был далек от того, чтобы разозлиться, напротив, стал еще спокойнее. Собрался, сосредоточился. Дыхание выровнялось, внимание обострилось. Так происходило всегда, когда он готовился к схватке, будь то реальный бой или интеллектуальное противостояние.

Подъезжая к дому на озере, Гамаш знал, что разговор, вероятно, будет нелегким, но такой реакции от почетного ректора не ожидал.

– Да, я побаиваюсь, – сказал он рассудительным тоном. – Если вы это имели в виду. Но не того, что лекция может закончиться насилием: любое публичное собрание имеет такой потенциал, а завтрашнее – в большей степени, чем многие другие. Но я боюсь, что эта лекция не только запятнает репутацию университета, но и поспособствует распространению идей Робинсон. А они могут заразить всю провинцию. И выйти за ее границы.

– Вы считаете свободное слово инфекцией? А идеи вирусом? Я думала, вы верите в Хартию прав и свобод. Или Хартия – это только пустые слова, подачка обществу? Это что – демонстрация вашей ситуационной этики?²⁰ Свободное слово вас устраивает, пока не задевает ваших личных верований, вашей идеологии?

– У меня нет никакой идеологии...

Колетт Роберж рассмеялась:

– Не обманывайтесь на свой счет. У каждого есть свои верования, свои ценности.

– И у меня они тоже есть. Но это другое дело. Вы не дали мне договорить. У меня нет никакой идеологии, кроме единственной: я обязан найти и защитить границы между чьей-то свободой и чьей-то безопасностью.

Она задумалась, потом сказала:

– И вы считаете, что слова могут нарушить эти границы?

– Вы знаете, что она говорит? Какие идеи продвигает?

– В общих чертах – да.

– И вы ее поддерживаете?

– Повторюсь, одобрять или отвергать – вне моей компетенции. Если мы будем допускать к себе лекторов, чьи идеи нас устраивают, то университет перестанет быть местом обучения, разве нет? Мы никогда не сможем услышать новых идей. Радикальных идей. Пусть даже таких идей, которые можно назвать опасными. Мы будем ходить по замкнутому кругу, слышать и говорить одно и то же, перетрачивать старье. Создадим эхо-камеру²¹. Нет, наш университет открыт новым идеям.

---

²⁰ *Ситуационная (ситуативная) этика* – нормы поведения, изменяющиеся в зависимости от внешних факторов.

²¹ *Эхо-камера* – понятие в теории СМИ, описывающее ситуацию, при которой в замкнутую систему не попадает альтернативная информация.

– Это не новая идея. – Он уставился на нее. – А вы, кажется, согласны с профессором Робинсон.

– Я согласна с тем, что важно выслушивать голоса, противоречащие позиции большинства, непопулярные мнения, даже опасные высказывания, пока они не переходят черту.

– И где же эта черта?

– Это вам решать, старший инспектор.

– Вы отрекаетесь от вашей моральной ответственности перед университетом и передаете ее полиции?

Они говорили все громче, и, хотя не кричали друг на друга, диалог становился все более напряженным. Они сами были готовы перейти черту.

Колетт и в самом деле пересекла ее, назвав Армана трусом. Возможно, и он поступил так же, когда обвинил Колетт в отречении от моральной ответственности. Однако произнес эти слова не без причины.

– Вы проповедуете злоупотребление силой, – сказала она. – Удушение свободы слова. А это называется тиранией. Советую вам быть поосторожнее, старший инспектор. Вы идете по очень тонкому льду. Я предполагала, вы заверите меня, что лекция пройдет без каких-либо происшествий. Но я слышу от вас фашистские речи.

Гамаш выдержал паузу, перед тем как начать говорить.

– Значит, я получил это задание благодаря вам?

Почетный ректор сообразила, что поддалась на провокацию и сболтнула лишнего. И еще она, глядя на человека, сидящего напротив, поняла, что он почти наверняка сделал это намеренно. Подзуживал, подстрекал. Раздражал. И она сорвалась. Выпустила из поля зрения ту черту, которую не хотела переступить.

Правда, она подозревала, что и до его приезда была на взводе. Возможно, она заняла неверную позицию. Ступила на зыбкую почву. Она сомневалась в том, что сделала правильный выбор. Точнее, очень боялась, что не сделала этого.

Но отступать было слишком поздно. К тому же ее гость всего не знал.

Она наклонила голову, а потом подняла ее, подтверждая его догадку.

– Я совершила ошибку, попросив, чтобы прислали вас? – сказала она. – Я думала, вы поведете себя справедливо и профессионально. Но вероятно, я была о вас слишком высокого мнения. С учетом ваших личных обстоятельств, вы, вероятно, сочтете затруднительным защищать профессора Робинсон, если дойдет до этого.

Вот теперь она и в самом деле перешла грань дозволенного. Причем намеренно. Чтобы отвлечь его внимание. Она видела, как потрясение на его лице быстро сменяется гневом.

– Прошу прощения, – почти мгновенно среагировала она, хотя ее искренность вызывала сомнения. – Не стоило этого говорить. Но в виде вопроса мои слова вполне допустимы.

– Нет, не допустимы, мадам почетный ректор, и вы это знаете. Вы зачем-то приплели сюда мою семью. Обвинили меня в поддержке тирании. В том, что я допущу причинение вреда человеку, может, даже его убийство, поскольку не согласен с его идеологией.

– Нет, обвинила я вас как раз в человечности. Ведь вы защищаете свою семью. И если уж мы заговорили об этом, то именно вы обвиняете меня: будто бы я ставлю под угрозу тысячи молодых мужчин и женщин, поскольку не желаю вмешиваться в это дело.

Они сердито смотрели друг на друга. Просто кипели. Оба потеряли самообладание, приобретенное немалыми усилиями.

«Бог ты мой, – подумал Гамаш, взяв себя в руки и отступив от края пропасти. – Вот как оно начинается... Вот ведь что делает Эбигейл Робинсон даже на расстоянии! Один только разговор о ней может посеять семена розни. А следом приходит страх».

И да. Он боялся. Боялся, что статистика и графика укоренятся в головах. Что люди поверят профессору, станут поддерживать нечто недопустимое.

Он глубоко вздохнул:

– Прошу прощения, Колетт. Я зашел слишком далеко.

Она сидела молча. И казалось, была еще не готова принести ответные извинения.

– Почему университет согласился принять этого лектора? – спросил он.

– Вы спрашиваете меня? Я не принимаю таких решений.

Она все еще оставалась на взводе.

– А почему профессор Робинсон решила прочесть лекцию здесь?

– А почему бы и нет?

– Вам не кажется странным, что все предыдущие лекции она читала на западе, а когда приехала на восток Канады, то выбрала вовсе не Университет Торонто? Не Макгилл. Не Université de Montréal. Не какой-то крупный зал в большом городе, а маленький университет в маленьком городке.

– У Université de l'Estrée очень хорошая репутация, – сказала почетный ректор.

– C'est vrai²², – кивнул он. – Так и есть. И все же я удивлен.

Впрочем, его голос в ходе этого рассуждения звучал бесстрастно. Почему-то эта мысль прежде не приходила ему в голову. Его настолько поглотили моральная, юридическая, логическая стороны вопроса, что он даже не задумался, почему мадам профессор выбрала Université de l'Estrée.

– Может быть, в других местах она получила отказ, – произнес Гамаш, размышляя вслух.

– Это не имеет значения, – проговорила Роберж.

Он вздохнул:

– Я думал над этим, Колетт. Вчера весь вечер голову ломал. А под конец посмотрел ее самый последний ролик – лекцию с последствиями. Увидел, как слушатели набросились друг на друга. Нарушает ли она закон? Разжигает ли ненависть? – Он провел руками по волосам. – Нет. Но ее деятельность привела к ряду очень-очень неприглядных столкновений.

– Потому-то я и попросила, чтобы прислали вас. Я знаю, что служба безопасности кампуса не сможет защитить Эбигейл.

– Эбигейл?

– Да. Ведь так ее зовут? Эбигейл Робинсон.

– Oui. Но вы называли ее как-то очень по-свойски... Не «профессор Робинсон». – Он снял ногу с ноги и подался вперед. – Вы знакомы? Близко? – И тут его осенила еще одна догадка. – Не поэтому ли она выбрала Université de l'Estrée? Не вы ли пригласили ее?

– Шутите?

– Ничуть.

Почетный ректор уставилась на него. Потом смягчилась:

– Вы правы. Мы знакомы. Уже много лет. Но сюда я ее не приглашала.

– Как вы познакомились?

– Не понимаю, какое это может иметь значение, но раз уж вы спросили... Я знаю ее отца. Мы проводили с ним некоторые совместные исследования. Он тоже занимался статистикой. Мы друзья. Он попросил меня приглядеть за Эбигейл, когда я была приглашенным лектором в Оксфорде. Она тоже была там – слушала лекции по математике.

– И что она собой представляла?

– Вы серьезно?

– Мне важно знать характер человека, которого я должен защищать. Агрессивен ли он? Труслив ли? Сговорчив ли? Будет спорить, получив указания, или подчинится?

Почетный ректор Роберж взглянула куда-то поверх его плеча. Она смотрела в прошлое...

---

²² Это правда (фр.).

Она увидела талантливых юношей и девушек, вчерашних подростков, стоящих перед ней. Они только-только начали осознавать жестокую истину. Если в школе они заметно превосходили других учеников, то здесь, в Оксфорде, им придется упорно работать, чтобы не отстать от других. Они в мгновение ока из элиты превратились в середнячков.

Многим так и не удалось добиться успехов, приспособиться к новым условиям. Но Эбигейл адаптировалась довольно быстро.

– В отличие от большинства студентов в ее группе, демонстрировавших свою неуклюжесть, она умела нравиться, – пояснила Колетт. – Она не происходила из состоятельной семьи. В ее доме ценились интеллектуальные достижения. Она была сосредоточенной, располагала к себе.

– Амбициозной?

– Не в большей степени, чем вы, – с улыбкой сказала Колетт.

– А ее работа?

– Тут она добивалась исключительных успехов. – Теперь, когда они заговорили о науке, почетный ректор расслабилась. – Я не знаю, известно ли вам, что математика изучает не только линейные функции. В разных ее разделах рассматривается такое понятие, как «кривая». И самые блестящие, самых гибкие умы представляли широкий спектр математических моделей, которые могли бы описывать теории философии, музыки, живописи. – Она сплела пальцы. – Математика и искусство взаимосвязаны. Если вы слушаете Баха, то убедитесь, что это творение в такой же мере математическое, в какой и музыкальное.

Старший инспектор слышал об этом и раньше – друг и соседка Гамашей, талантливая художница Клара Морроу любила рассуждать о перспективе, пропорциях, пространственном мышлении. О логике и принятии решений. И о портретной живописи.

– Одна наша приятельница цитирует Роберта Фроста, – проговорил он. – «Стихотворение начинается с комка в горле». Художники, с которыми я знаком, испытывают подобное же чувство. А математики?

Почетный ректор понимала, что это не случайный вопрос. Это ручная граната. Занятная вещица, но при этом потенциально опасная.

– Я бы так не сказала. Думаю, у математиков, статистиков ком подкатывает к горлу в конце. Когда мы видим, к чему привела наша работа.

– А каким образом это можно извратить? – Поняв, что Колетт не ответит, он спросил: – Как вы считаете, у профессора Робинсон комок подступает к горлу, когда она смотрит на графики?

– Вам придется задать этот вопрос ей. Послушайте, я ее не защищаю.

– А мне кажется, защищаете. Нельзя разрешать эти выступления, – сказал он. – Я несколько раз перечитал законы о цензуре. Определения ненавистнической риторики. Если бы я мог отменить ее лекцию, исходя из таких соображений, я бы сделал это. И вполне возможно, что завтра, когда лекция начнется, я смогу ее отменить на том основании, что она нарушает безопасность присутствующих, но в настоящий момент у меня таких оснований нет.

Его слова как будто повисли в воздухе между ними, а в камине потрескивали поленья и с катка на замерзшем озере доносились радостные крики.

Кто-то послал шайбу в ворота – вот только в чьи?

А потом в комнате снова стало тихо.

– Я прошу вас, Колетт, – тихим голосом проговорил Арман. – Умоляю вас, отмените эту лекцию. Воспользуйтесь любым поводом. В здании отключено отопление. Рабочих невозможно отозвать из отпуска. При оформлении заявки произошла бюрократическая ошибка. Пожалуйста. Эта лекция не кончится добром ни для кого.

Почетный ректор разглядывала человека, сидящего напротив. Она знала его не один десяток лет. Помнила его еще простым агентом. Видела его падение с начальственных высот.

Наблюдала, как он сумел собраться и вернуться к работе, которая была для него чем-то гораздо большим, чем просто работа.

Об этом говорило его лицо. Морщины и складки на нем. Не возрастные. По крайней мере, не все они появились из-за возраста. Они были картой его жизненного пути. Его убеждений. Тех позиций, что он занимал, и тех ударов, что принимал на себя.

Она видела это по глубокому шраму на его виске.

Нет, этот человек не был трусом, однако он, по собственным его словам, боялся.

Но боялась и она сама.

Колетт Роберж поднялась и сказала:

– Я не стану отменять лекцию, Арман.

Старший инспектор Гамаш заранее, еще находясь в своем кабинете, знал, что почти наверняка проиграет. Но все же, хотя он не получил в этом доме того, что ему требовалось, уезжал он отсюда, имея больше информации, чем прежде. Включая и тот факт, что почетный ректор давно знакома с Эбигейл Робинсон. Настолько хорошо знакома, что до сих пор называет ее по имени.

Он подумал, что, вероятно, одна из рождественских поздравительных открыток на книжных полках и на каминной полке подписана: «Эбигейл».

Он не понимал, какое это может иметь значение, но унес с собой всю информацию, какую сумел получить.

– Спасибо, мадам почетный ректор, что выслушали меня.

– Извините, что втянула вас в эту историю. Я вижу, что это дело вам неприятно.

– Это моя работа.

– А у вас еще и внучка с синдромом Дауна, – произнесла она.

Он помедлил у двери, надевая перчатки и глядя на нее. Она явно знала больше, чем хотела показать.

– Non. Идола – наше утешение, бальзам для души. А боль – это когда приходится принимать решения, которые предстоит принять мне.

– Я не стану спрашивать, где у вас болит.

Он рассмеялся:

– Вы будете на лекции?

– Moi? Non²³. Я спрячусь под одеялом и не буду отвечать на звонки. Послушайте, Арман, мы с вами оба знаем, что наш разговор беспредметен. Профессор Робинсон прочтет завтра свою лекцию перед пустой аудиторией. И на этом все закончится.

Она подошла и поцеловала его в обе щеки.

– Joyeux Noël. Bonne année²⁴. Мой привет Рейн-Мари.

– И вам того же, Колетт. И Жан-Полю.

Арман остановился на полпути к машине, повернулся и увидел детские рисунки, приклеенные к оконному стеклу. На бумаге пестрели радуги, вероятно нарисованные внуками во время пандемии, он сумел прочесть и слова, написанные цветными карандашами: «Ça va bien aller».

Он отвернулся с мрачным выражением на лице. «Все будет хорошо». Он знал, смысл этого выражения определяется тем, какое значение вкладывается в слово «хорошо». И его преследовало гнетущее чувство, что у них с почетным ректором разные представления на этот счет.

---

²³ Я? Нет (*фр.*).

²⁴ Счастливого Рождества. С Новым годом (*фр.*).

* * *

Колетт Роберж поплотнее закуталась в свой кардиган, глядя в окно на отъезжающую машину старшего инспектора.

И в этот момент раздались детские голоса – крики, жаркие споры: вернулись с катка ее внуки с друзьями.

Захлопали двери, в дом хлынули потоки холодного воздуха. Послышался грохот, топанье – дети скидывали ботинки, швыряли коньки в угол.

– Горячий шоколад? – предложила она.

– Да, бабуля, пожалуйста.

Даже чужие дети называли ее бабулей. Да что там, Колетт знала: некоторые коллеги и даже премьер-министр Квебека называют ее Grand-mère.

Она решила для себя, что такое прозвище, такое проявление нежного к ней отношения и есть ее преимущество. Вероятно, эти люди обращаются со своими бабушками гораздо более сдержанно.

Она размешала шоколад в кастрюльке, посмотрела на своего мужа в углу, где он просидел все утро, погруженный в свою головоломку, пока вокруг него бурлила невидимая ему жизнь.

* * *

Тем вечером, уединившись с Жаном Ги в своем кабинете, Арман наклонился над ноутбуком и кликнул на «Воспроизведение». И они оба принялись слушать, что говорит миловидная женщина на экране – Эбигейл Робинсон.

Двенадцать минут спустя Жан Ги протянул руку и нажал «Паузу».

– Она и в самом деле говорит то, что я слышу?

Арман кивнул.

– Черт, – прошептал Жан Ги. Он перевел взгляд с монитора на тестя. – И вы собираетесь ее защищать?

– Кто-то должен это делать.

– Вы знали, о чем она говорит, когда давали согласие?

– Non.

– Вы знали, о чем она говорит, когда убеждали меня, что я там буду не нужен?

– Non.

Они некоторое время смотрели в глаза друг другу. Щеки Жана Ги из розовых стали пунцовыми. Семена гнева были посеяны.

– Я иду наверх, – сказал Жан Ги.

– Я тоже.

Арман выключил елочную гирлянду. В темноте он видел в окне три огромные сосны на деревенском лугу. Разноцветные гирлянды на отягченных снегом ветвях светились красным, синим и зеленым.

Анри и Фред медленно последовали за хозяевами вверх по лестнице. Грейси уже спала в комнате Стивена.

Арман поцеловал Флоранс и Зору, потом зашел в соседнюю комнату, где Жан Ги смотрел на свою дочку. Холодный воздух шевелил занавески на окнах, снижал температуру в комнате. Словно приближалось что-то зловещее.

Арман опустил окно, оставив маленькую щелочку, потом укутал одеялом Оноре, который каким-то образом умудрился притащить в постель свои новые санки. Поцеловав внука, Арман подошел к зятю.

Малютка Идола мирно спала, не подозревая о том, что ей угрожают враждебные силы.

Жан Ги посмотрел на тестя:

– Я знаю, вы вызвали на помощь Изабель и еще людей из отдела. Я тоже хочу быть там.

– Это не лучшая твоя идея, и ты это знаешь.

– Если не в вашей команде, то я там буду в качестве зрителя. Так или этак.

Арман видел: семена дают корни.

– Я дам тебе знать утром.

Немного позднее Жан Ги спустился в гостиную, сел в кресло у камина, где тихо тлели угли. Он нашел видео, которое показывал ему Арман, и теперь досмотрел его до конца.

Теперь он понимал, почему Гамаш ездил к почетному ректору и просил ее, а может быть, даже умолял отменить лекцию.

И он знал, почему его тесть не хочет, чтобы он, Жан Ги, оказался где-то поблизости от этой женщины.

Глава пятая

– Профессор Робинсон? Я старший инспектор Гамаш из Квебекской полиции. – Больше он не мог откладывать разговор с ней. – Вы готовы начать?

Эбигейл Робинсон разглядывала подошедшего к ней мужчину.

Хотя они так и не познакомились, Дебби указала на него как на старшего офицера полиции, отвечающего за безопасность. Впрочем, этого и не требовалось. Его полномочия и без того были очевидны.

Он не надел форму – пришел в костюме с галстуком. Материал хороший, костюм сшит на заказ.

Хотя она не назвала бы его лицо классически красивым, в нем было что-то привлекательное. Может быть, спокойствие. Но самыми примечательными были его глаза – она отметила это теперь, когда он стоял перед ней.

Темно-карие и ясные. Внимательные, как и следовало ожидать. Его обязанность: обеспечивать безопасность, он должен быть начеку.

Она увидела в его глазах интеллект, и даже нечто большее. Он смотрел на нее вдумчивым взглядом.

Она видела человека, совершенно чуждого скоропалительности. Ей редко встречались люди, которые делали паузу между мыслительным процессом и его переводом в действие. Такое поведение было свойственно единицам. Они сначала обдумывали действие, а потом совершали его, тогда как большинство действовало импульсивно, даже инстинктивно, а потом подыскивало оправдания своим поступкам.

Профессор Робинсон понимала значение этого промежутка, этой паузы, состоявшее в том, что человек контролирует свои действия. Взвешивает варианты. И это взвешивание придает ему сил.

И человек перед ней умел взвешивать варианты и обладал силой. А в данный момент он выбрал корректность. Он пытался скрыть неприязнь к ней за естественно-вежливыми манерами, но она видела холод в его внимательных глазах. Он был о ней, о профессоре Робинсон, невысокого мнения.

– Профессор, – повторил он. – Уже почти четыре. Зал полон. Вам лучше начать поскорее.

Она слышала гул, доносящийся из-за плотного занавеса. Он чем-то напоминал шум несущегося на всех парах товарного поезда. Зал начинал мелко подрагивать от возбуждения, нетерпения, предвкушения. Эти звуки указывали на присутствие сотен людей. Ждущих. Ее появления.

Он выставил руку в попытке направить ее на сцену. Но между ними встала ассистентка.

– У тебя есть все необходимое, Эбби? – Она огляделась. – Вода на трибуне есть? Твои записки при тебе?

– Да, Дебби, все в порядке, спасибо.

Гамаш видел, что, помимо отношений нанимателя и нанимаемого, их связывает дружба.

Профессор Робинсон снова повернулась к нему. Если бы он не знал иного, если бы не видел записи ее выступлений, то по глазам решил бы, что она хороший человек.

Но он знал про нее другое. Он знал, что ее глаза вовсе не отражают того, что происходит в ее голове, или того, что произносит ее рот.

Хотя было и другое объяснение.

И сводилось оно к тому, что Эбигейл Робинсон верила в разумность, даже благородство своих идей. Считала их не жестокостью, выходящей за всякие рамки, а добротой.

– Что-то не так? – услышал он в наушнике голос Изабель Лакост, чуть более высокий, чем обычно. – Она собирается начинать?

Шум за занавесом усилился.

– Oui, – сказал он, потом обратился к Робинсон: – Если вы не возражаете, вам лучше всего приступить. Вас кто-нибудь представит?

Он огляделся. В закулисье не было никого, кроме мадам Шнайдер и звукооператора. Он пережил мгновение паники, когда подумал, что делать это придется ему.

И может быть, чтобы заставить Робинсон выйти на сцену и уговорить забурлившую толпу, он и в самом деле сделает это.

Профессор Робинсон посмотрела в сторону дверей, потом сказала:

– Нет, я выйду одна. Представлять не нужно. Эти люди знают, кто я такая. – Она улыбнулась. – Уж не могу сказать, к добру это или к худу.

«Она ждет кого-то, – понял Гамаш. – Поэтому и медлит. Надеется, что кто-то придет».

Кого-то, кто в данный момент, возможно, прячется, не отвечает на ее звонки.

– Удачи. У тебя все будет хорошо, Эбби Мария, – сказала Дебби и засияла улыбкой, глядя на подругу.

Хотя это и были слова поддержки, они, казалось, задели профессора. Возможно, подумал Гамаш, она убеждена, что пожелание удачи только повредит ей.

Многие ученые отличались крайней суеверностью. Как и копы, если уж на то пошло.

– Пожалуйста, идемте со мной, – сказал он и направился к просвету в тяжелом занавесе. – Я видел запись вашей последней лекции. Мы здесь ничего подобного не допустим. Если увидите, что публика выходит из-под контроля, вы должны будете ее успокоить. Если ваши слова не действуют, на сцену выйду я, повторю требование и предупрежу слушателей, что, если они не будут вести себя корректно, лекция прекратится.

– Я понимаю, старший инспектор. Поверьте мне, я тоже не хочу повторения.

– Правда?

– Да. Если бы вы не только смотрели, но и слушали мое выступление, вам стало бы ясно, что я не проповедую насилие. Напротив. Я выступаю за исцеление. К несчастью, некоторые люди выворачивают мои слова и мысли наизнанку.

Ее заявление было таким возмутительным, таким фальшивым, что он несколько мгновений просто смотрел на нее. Арман Гамаш всем сердцем хотел возразить ей. Но ни время, ни место не располагали к дискуссиям, к тому же это выходило за рамки его обязанностей.

А в настоящий момент его обязанности заключались в том, чтобы все пришедшие на лекцию вышли отсюда в прежнем состоянии, то есть без какого-либо ущерба для себя. Впрочем, он опасался, что в полной мере осуществить это не удастся. Многие уйдут с некоторыми идеями, внедренными в голову. С идеями-сорняками в трещине, ослабляющей фундамент.

– Инспектор Бовуар, как там, у дверей?

– Началась толкотня, когда мы объявили, что больше внутрь никто не войдет, – сообщил Бовуар. – Но теперь все успокоилось.

– Bon, merci²⁵. Мы вот-вот начинаем.

Бовуар отключил микрофон и посмотрел на закрытые двери. Он чувствовал, всем существом ощущал, что не должен делать этого. Однако знал, что сделает.

Он обратился к полицейскому рядом с ним:

– Ты остаешься здесь старшим.

– Сэр?

– Я иду внутрь.

---

²⁵ Хорошо, спасибо (фр.).

* * *

Старший инспектор Гамаш смотрел на Эбигейл Робинсон – она сделала глубокий вдох, собралась.

Он видел, как то же самое делали спортсмены перед прыжком с вышки: становились на платформе спиной к воде так, чтобы пятки чуть выступали за край, поднимали руки вверх.

За мгновение до невероятного полета. Миг, после которого наступает необратимость.

Именно это делал и он сам, когда стоял у закрытых дверей. Поднимал сжатую в кулак руку. Он медлил, даря семейству в доме последнюю секунду мира. Перед падением.

А потом костяшки его пальцев стучали по дереву.

«С прискорбием сообщаю вам...»

Эбигейл Робинсон сделала глубокий вдох и вышла на сцену.

Арман Гамаш сделал глубокий вдох и позволил ей выйти.

Глава шестая

Реакция последовала незамедлительно и была настолько ошеломляющей, что Гамаша чуть не отбросило назад.

Он слышал рев и выкрики и раньше. Сидя на трибуне хоккейного поля, на котором играли «Абс». Или во время финальной игры на Кубок Грея²⁶. На концертах, когда группа наконец появлялась на сцене.

Но на эту сцену вышел исполнитель совсем иного толка.

Гамаш выглянул за занавес.

Возможно, причиной тому была плотность толпы, хотя он, проявляя осторожность, занимал вместимость помещения. Может быть, дело было в акустических особенностях бывшего спортивного зала. Так или иначе, шум казался гораздо более громким, чем могут производить пять сотен людей.

Однако он быстро понял, *что* вызывает звук такой силы.

Раздавались аплодисменты, громкие голоса ликования, поддержки. Скандирование. Но с равной силой звучал гул неодобрения. Возгласы «Позор!». Оскорбительные выкрики.

Слышался и визг. Невозможно было понять, что выражают эти звуки: восторг или презрение? Или кто-то выплескивал эмоции, требующие выхода?

Все это сливалось в акустический «удар в корпус».

Гамаш отошел от занавеса, чтобы оценить зал целиком. Он предполагал, что профессор Робинсон остановится на месте, а то и развернется, попытается. Что она замрет на мгновение и даже будет парализована этой атакой.

Но она не остановилась. Продолжала идти. Медленно. Спокойно. Словно, кроме нее, в зале никого не было.

Арман Гамаш смотрел, как она размеренным шагом движется навстречу этой какофонии, и признал ее мужество. Однако он не стал бы называть это доблестью.

Это было мужество, которое приходит с убеждением, с абсолютной уверенностью в своей правоте. Когда все сомнения отброшены. Это было мужество зилота²⁷.

А потом раздался топот тяжелых зимних ботинок по старому деревянному полу. Зал волновался. Гамаш прогнал мысль о зрителе здания, который, возможно, в этот момент погрузился в отчаяние.

* * *

В дальнем конце зала поднимался на цыпочки Жан Ги.

Впереди все делали то же самое, и ему приходилось то подаваться вперед, то отшатываться, чтобы мельком увидеть идущую, чуть ли не вышагивающую к трибуне женщину.

Она явно не обращала внимания на сенсацию, которую произвело ее появление.

Он смотрел видеозапись ее лекции, прочитанной десятью днями ранее. Тогда тоже реагировали бурно. Но ничего похожего на то, что происходило теперь.

---

²⁶ *Кубок Грея* – название чемпионата Канадской футбольной лиги (КФЛ) и самого трофея, вручаемого победителю игры в канадский футбол, в основе которого лежит регби.

²⁷ *Зилот* – здесь: фанатичный приверженец своего дела.

* * *

Изабель Лакост со своего наблюдательного поста отметила движение в толпе. Люди раскачивались взад-вперед, словно огромный бушующий океан. Если бы она была подвержена морской болезни, то уже, наверное, позеленела бы.

Острым взглядом она вылавливала очаги напряжения. Завихрения и всплески в этом людском море. И вот наступил один из опасных моментов: толпа впервые увидела объект своего поклонения и ненависти.

Лакост посмотрела на агентов, которых расставила в разных точках зала – у стен и в толпе. Кто-то был в форме, кто-то – в гражданской одежде.

Потом инспектор Лакост взглянула на сцену. Не на единственную персону, почти подошедшую к трибуне, а на выстроившихся перед сценой агентов.

И в этот момент в гуще толпы раздался чей-то боевой клич, и люди начали топтать ногами.
– Шеф, – сказала Изабель, – это может плохо кончиться.

* * *

– Стоять! – приказал Гамаш, выйдя на связь со всеми своими агентами в зале. – Спокойно. Спокойно. Это пройдет.

Он находился на расстоянии двадцати футов от агентов, выстроившихся перед сценой. Если начнется волнение, они окажутся на передовой.

Он знал своих людей. В основном молодые. Сильные. Полные решимости. Смотрят вперед. Он увидел, как старший по группе что-то сказал им, и они разом, как один, отставили назад правую ногу для упора. Почти незаметное движение, для того чтобы подготовиться к противостоянию, ничуть не угрожая при этом мужчинам и женщинам в зале.

Ни один из агентов не был вооружен. Если агент оказывался среди непредсказуемой и склонной к насилию толпы, то в неразберихе кто-то мог и отобрать у него оружие. И воспользоваться им. Гамаш видел такие случаи, заканчивавшиеся трагически.

И потому он приказал всем оставить служебные пистолеты в сейфе. Но дубинки взять с собой.

Прежде чем входные двери открылись для зрителей, он проинструктировал агентов на случай наихудшего развития события. Он ясно дал понять подчиненным, что наихудшим вариантом будет тот, при котором попытка полиции восстановить порядок и защитить людей приведет к эскалации насилия.

– Это, – произнес он, держа в руке похожую на битую дубинку, – инструмент, а не оружие. Всем ясно?

– Oui, patron, – ответили они.

Однако многие были недовольны тем, что им не разрешили захватить пистолеты.

Пока Гамаш читал своим людям короткую лекцию по усовершенствованию профессиональных навыков, месье Вио, смотритель здания, не сводил с них глаз и внимал старшему инспектору, держа за рукоятку свою швабру так, словно это была дубинка.

– Это ваши соседи, ваши друзья, – сказал Гамаш. – Думайте о них как о своих матерях и отцах, своих братьях и сестрах. Они хорошие люди. Они вам не враги. Не бейте их: удар дубинкой – самое последнее средство.

Доводя до них эту мысль, он заглядывал им в глаза. Они кивали.

Потом старший инспектор продемонстрировал, как нужно пользоваться дубинкой в целях самозащиты, как – для того, чтобы разделить дерущихся. Ограничить их возможности, используя ограниченные меры воздействия.

По лицам агентов он видел: не все понимают, что им предстоит. Многие изображали скуку, подразумевавшую искушенность, которой у них не было. Потому что те, кто участвовал в подавлении беспорядков, слушали внимательно. В основном это были полицейские постарше. Лакост, Бовуар и несколько других.

Они знали, что может произойти. Знали, как быстро ситуация из спокойной превращается в ужасающую.

Два дня назад Гамаш, получив это задание, сразу попросил, чтобы к его бригаде прикомандировали одного местного дежурного агента. Всего на час.

Потом, когда он узнал кое-что о заезде профессоре, его запрос вырос до пятнадцати агентов из расположенных поблизости полицейских подразделений. Он сам их обзванивал, спрашивая молодых агентов и старших офицеров, не пожелают ли они присоединиться к нему в этот день.

Никто не отказался.

И теперь тридцать пять агентов Sûreté усваивали его инструкции о том, как быстро и умело укладывать на пол бабушек. Если возникнет такая необходимость.

* * *

Эбигейл Робинсон дошла до трибуны. Она наклонила микрофон поближе к себе и произнесла свои первые слова:

– Привет. Bonjour²⁸. Как вы меня слышите?

Голос ее звучал спокойно, весело, почти по-деловому.

Гамаш не ожидал такого начала. И собравшиеся тоже.

Гомон прекратился. Топанье сошло на нет. Толпа замерла, успокоилась, лишь два-три выкрика с разных концов зала пронеслись над собравшимися.

И Гамаш моментально оценил гениальность такого подхода.

Робинсон не стала сразу начинать свою лекцию, вместо этого она приветствовала публику – очень непринужденно и очень вежливо. И поскольку здесь по большей части собрались хорошие, достойные люди, они откликнулись на ее приветствие в столь же вежливой манере.

Но провести Гамаша было нелегко. Такое обезоруживающее вступление не погасило чудесным образом все эмоции. Это была передышка, которая позволяла профессору Робинсон начать, быть услышанной.

Да, начало было блестящим. И хорошо просчитанным.

Она улыбнулась:

– Прекрасно. Отправляясь в этот кажущийся бесконечным путь оттуда... – она показала на кулисы, – сюда, я всегда боюсь, что микрофон окажется в нерабочем состоянии. Можете себе такое представить?

Теперь ее плечи приподнялись, она сдавленно заохоталась. Иначе не описать те звуки, что она произвела, – нечто среднее между смехом и хихиканьем. Это было так мило, так самоуничижительно. И опять же – расчетливо.

В зале воцарилась почти полная тишина. Лишь кое-где раздался и стих смешок.

Все внимали лектору – друзья и соседи, матери и отцы, сестры и братья. Впитывали ее слова. Никакого брызжущего слюной маньяка протестующие не увидели – перед ними была их сестра, тетушка, соседка. Она стояла в одиночестве на сцене зала и улыбалась.

Она пожелала им счастливого Рождества, joyeux Noël. Поздравила с наступающим Новым годом, bonne année.

Ее французский с английским акцентом заслужил несколько поощрительных хлопков.

---

²⁸ Добрый день (фр.).

А потом она перешла к науке. Приводила цифры. Даты. Данные. Факты из разных отраслей экономики до и после пандемии.

Она озвучивала прогнозы.

Она говорила, и Гамаш понимал, что это не просто слова. В ее речи слышались ритм, модуляция.

Ее голос, когда она исполняла эту литанию катастроф, звучал музыкально, чуть ли не в баховском ритме. Она перечисляла кризисы, поразившие не только здравоохранение, но и образование. Инфраструктуру. Окружающую среду. Пенсионную сферу. Рынок труда. Говорила о чудовищном национальном долге, который пожрет будущее канадских детей.

Становилось ясно, что слишком многие претендуют на получение средств из бюджетов, которые становятся все более тощими. Этот кризис не был создан пандемией, она его лишь высветила.

Профессор методически выстраивала свою теорию перед погружившимся в полную тишину залом.

Ее голос ни разу не дрогнул, ни разу не возвысился. Он звучал спокойно, гипнотически, отчего то, что она говорила, обретало еще большую весомость.

Старший инспектор за годы службы бесчисленное число раз допрашивал преступников и знал, что, если ты кричишь на человека, тот замыкается в себе. Между ведущим допрос и допрашиваемым вырастают стены. Разум и рот последнего закрываются на замок.

Но если ты говоришь с людьми тихо, их защитные рефлексy притупляются и твои шансы убедить этих людей как минимум увеличиваются.

Именно это и делала она. Эбигейл Робинсон с помощью своего мелодичного голоса пробиралась в головы слушателей. Ворошила самые черные их мысли, будила их потаенные страхи.

Арман Гамаш слушал ее и проникался мыслью о том, что почетный ректор была права.

Эта лекция о статистике, о математике принадлежала музыке. И это было искусство. Пусть и темное, но искусство. Ничуть не похожее на творения Клары Морроу, на ее светящиеся портреты.

Профессор Робинсон на глазах у всех превращала мысли в слова, а слова в действия. Факты в страх. Беспокойство в ярость. И делала это с изрядным мастерством.

Эбигейл Робинсон была не только ученым, но еще и алхимиком.

И вот наступил момент кульминации, о котором Гамаш знал, просмотрев видеозаписи предыдущих лекций.

Нарисовав картину общества на грани коллапса, она теперь предлагала надежду. «Все будет хорошо». Профессор Робинсон расскажет им, что они должны делать, чтобы двигаться вперед, выйти на дорогу, ведущую в прекрасный новый мир.

Она даст им простое решение, то, которое по иронии судьбы было подсказано самой пандемией.

Эбигейл Робинсон сделала паузу и оглядела слушателей.

То же самое сделал и Гамаш.

Он увидел отчаяние на лицах, в устремленных на сцену взглядах. Люди прошли через ад. Возможно, потеряли родных, друзей. Многие лишились работы.

Но еще он видел надежду.

И все же он не знал, сколько человек из тех, кто зашел вместе с нею так далеко, будут готовы сделать следующий шаг. И еще он спрашивал себя, сколько человек из тех, кто был готов протестовать, передумали, выслушав ее ритмическую литанию катастроф.

Он заметил, как некоторые агенты, в особенности молодые, стоящие перед сценой, поворачивают голову, чтобы кинуть на лектора быстрый взгляд.

Их старший явно сказал им что-то, потому что они тут же отвернулись. И все же...

Мужчина посадил себе на плечи ребенка. Потом еще один.

– Инспектор Лакост... – начал Гамаш.

– Вижу их, raton, – сказала она. – Агентам дано специальное задание присматривать за двенадцатью детьми в зале. Они готовы эвакуировать детей, если начнется заваруха.

– Воп. Инспектор Бовуар, сколько детей вошло в зал?

Молчание.

– Инспектор?

– Сэр, – раздался незнакомый женский голос. – Инспектора Бовуара сейчас нет на месте.

Но он вел учет. В зале пятнадцать детей.

– Mercі. Инспектор Лакост, вы слышали?

– Слышала. Я этим занимаюсь.

Гамаш видел, что толпа в зале подается вперед. Профессор Робинсон подошла к moment juste²⁹.

Шум в зале стал усиливаться, когда протестующие очнулись и стряхнули оцепенение.

– Позор! – восклицали одни.

– Слишком поздно! – кричали другие.

Это прозвучало как некий первобытный вызов и ответ на него. Как барабанная дробь перед сражением.

– Куда ушел инспектор Бовуар? – спросил Гамаш агента у дверей.

И услышал, как профессор Робинсон, прервав паузу, произнесла:

– Но решение есть. – (Гамаш тем временем внимательным взглядом прошелся по толпе.

Казалось, она пульсирует от возбуждения.) – Для этого требуется мужество, но я думаю, оно у вас найдется.

– Он в зале, – ответила Гамашу агент.

– В зале? – переспросил старший инспектор. – Вы уверены?

Если Жан Ги и в самом деле направился в зал, это означало, что он нарушил приказ Гамаша, покинул свой пост и, хуже всего, взял с собой пистолет. И теперь в толпе находился пистолет с боекомплектом.

Этот поступок был не только шокирующим, но и непростительным.

– Да, сэр, уверена.

– Позор! Позор! – скандировала половина толпы.

– Слишком поздно! – раздавался гневный ответ.

– ...Деньги, время и знания расходуются впустую. Безнадежно. Даже бесчеловечно. Вы хотите, чтобы ваши родители мучились, чтобы страдали ваши дедушки и бабушки, как и многие до них?

– Нет! – хором ответила часть толпы.

– Вы хотите, чтобы мучились ваши дети?

– Нет!

– А они будут мучиться. Они уже мучаются. Но мы можем изменить это.

Гамаш шагнул на сцену, чтобы быстро оценить происходящее в зале. Он увидел, что, хотя ситуация взрывоопасная, его люди контролируют ее.

Тем не менее он мог... Никто не станет винить его за это...

Однако он не прервал лекцию. Он только коротко, одобрительно кивнул ближайшему агенту на передовой линии. Молодому человеку, который напомнил ему другого невероятно молодого агента из прошлой жизни.

Тот кивнул в ответ и повернулся лицом к залу.

---

²⁹ Момент истины (фр.).

– Но еще не слишком поздно. Я произвела некоторые подсчеты, и решение, пусть нелегкое, лежит на поверхности, – продолжила Эбигейл Робинсон. – Если пандемия и научила нас чему-то, так это тому, что всех спасти невозможно. Нужно сделать выбор. Нужно пойти на жертвы. – (Гамаш устремил взгляд на слушателей.) – Это называется...

Где-то в глубине зала раздалось несколько хлопков подряд.

Бах. Бах. Бах.

Гамаш вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Он выбежал на середину сцены и, показывая на толпу, крикнул:

– Лакост!

– Иду.

Он увидел, как она спрыгнула с плинтуса и направилась к центру зала, где взвился дымок. Увидел, как изготовились агенты на передовой линии.

Увидел, как толпа, реагируя на хлопки, автоматически пригнулась. Услышал крики. Понял, что сейчас зрители панически рванутся к дверям.

Он поднял руки и крикнул:

– Arrêtez! Остановитесь! Это хлопушки. Стойте на месте.

Он знал, что это не выстрелы. Он слишком часто слышал стрельбу, и эти хлопки не могли его обмануть. Но отцы и матери, сыновья и дочери, мужья и жены, тесно прижатые друг к другу в жарком зале, этого не знали.

Звук отдаленно напоминал стрельбу из автомата. Тра-та-та-та. И они повели себя так, как повел бы любой разумный человек.

Они пригнулись, развернулись к выходу, повинуясь естественному инстинкту выбраться из закрытого помещения наружу.

– Стойте! – прокричал Гамаш. – Никакой опасности нет.

Никто его не слышал. И никто не слушал.

Он оттолкнул в сторону профессора Робинсон, схватил микрофон с трибуны.

– Стойте! – скомандовал он. – Это хлопушки. Остановитесь немедленно. Прямо сейчас.

Он быстро повторил приказ на французском и английском. Голос его звучал четко, властно, и паника постепенно, медленно спала. Волна пошла на убыль за мгновения до катастрофы.

Изабель Лакост нашла шнурки от хлопушек, обгоревшие и тлеющие, подняла их.

Атмосфера в помещении стала остывать. Послышались даже нервные смешки, когда люди, секунду назад считавшие себя противниками, облегченно улыбнулись друг другу.

А потом раздался еще один громкий хлопок, и трибуна разлетелась в щепки. Пиротехника явно была ни при чем.

Гамаш сшиб профессора Робинсон на пол, закрыл ее собой, и вторая пуля чиркнула по сцене в паре дюймов от них. Он зажмурился в ожидании следующего выстрела.

Ему уже приходилось делать нечто подобное, когда покушались на жизнь премьеры. Они собирались поужинать вместе в монреальском бистро «Лемеак» и шли туда летним вечером по рю Лорье. Главу провинции прикрывала охранная команда из Sûreté du Québec, разделившаяся на авангард и арьергард. Арман шагал рядом с премьером, они были увлечены разговором. И вдруг прогремели выстрелы.

К счастью, несостоявшийся убийца был очень плохим стрелком, а старший инспектор успел среагировать – он сбил премьеру с ног и прикрыл своим телом.

Когда все закончилось, премьер, который был открытым геем, в шутку сказал, что в соцсетях через минуту появятся фотографии: премьер и глава полицейского отдела по расследованию убийств резвятся на травке.

– С вами могло случиться и кое-что похуже, mon ami³⁰, – сказал Гамаш.

– И с вами тоже.

Как бы то ни было, ни премьер, ни полицейский не забыли, с каким выражением смотрели друг на друга в те недолгие секунды, когда оба лежали на земле, а вокруг свистели пули. И каждый ждал, что вот сейчас пуля попадет в цель. И этой целью окажется он сам.

А теперь Гамаш прикрывал собой Эбигейл Робинсон. Одно дело – умереть за премьера, но отдать жизнь за нее?

– Обезоружен, – раздался в наушнике уверенный голос Лакост. – Мы взяли стрелка. Шеф, вы в порядке?

– Oui.

Он быстро поднялся на ноги и увидел Лакост, двоих агентов и сопротивляющегося человека, поваленного на пол.

Но, помимо того, ему открылось ужасающее зрелище. Тела повсюду. Сотни людей, распростертых на полу. Гамаш своим рациональным умом понимал, что они живы, даже не ранены. Все выстрелы были направлены в его сторону.

И все же волна ужаса нахлынула на него.

А потом люди зашевелились.

С момента первого выстрела прошли считанные секунды. Старший инспектор знал, что панику от потрясения отделяют мгновения. И в этот момент нужно предпринять все возможное, чтобы избежать давки.

Он нашел микрофон в груди щепок, оставшихся от трибуны, схватил его и призвал всех к порядку.

Он говорил ровным голосом, стоя посреди сцены у всех на виду и олицетворяя собой спокойствие. Внешне невозмутимый, Гамаш снова и снова повторял на английском и французском, что присутствующие в безопасности.

Он чуть было не сказал: «Ça va bien aller – все будет хорошо». Но вовремя прикусил язык.

Проблема состояла в том, что Гамаш понятия не имел, есть ли в зале еще стрелок. Или даже бомбист.

Нужно было как можно быстрее вывести всех из зала. Арман увидел, что его агенты именно этим и занимаются. Смотритель месье Вио тоже направлял людей к дверям, подталкивая их шваброй.

– Эбби! – К профессору Робинсон, сидящей на полу, подбежала Дебби Шнайдер.

Гамаш повернулся на мгновение, увидел, что профессор цела, и сказал им обеим, чтобы они убрались со сцены.

Пока он руководил эвакуацией людей, пока Лакост занималась стрелком и зал покидали последние зрители, появился инспектор Бовуар.

– Patron... – начал было он, но Гамаш оборвал его.

– С тобой я разберусь позднее. А пока иди на улицу, оказывай помощь пострадавшим.

Через открытые двери он видел мигание маячков машин экстренной службы. Гамаш запросил две «скорые» и группу быстрого реагирования, что большинство из его коллег наверняка сочло бы «чрезмерной реакцией».

– Мы надели ему наручники, – доложила Лакост.

– Обыщите здание, – приказал Гамаш. – Заблокируйте въезд и выезд из университета. Обыщите всех и все машины.

Зал теперь был почти пуст. На полу валялись сапоги, шапочки и варежки. Пуговицы и бумага. Несколько пакетов, несколько рюкзаков и телефонов. Но людей не было. Жертв нет, с облегчением понял Гамаш.

---

³⁰ Друг мой (фр.).

Полицейские, не участвующие в обыске здания, вышли на улицу и теперь вместе с фельдшерами помогали пострадавшим и испуганным людям. Проверяли, есть ли у них травмы. Проверяли документы. Проверяли на наличие оружия, не исключая, что второй стрелок покинул здание вместе с толпой.

Стрелка в наручниках и с опущенной головой выводили через запасной выход.

Месье Вио стоял в дальнем конце зала у дверей, сжимая в руках древко швабры. Король-воин, обзирающий поле боя по окончании сражения.

В темном дверном проеме Гамаш видел силуэты людей, мельтешащие перед мигалками машин экстренной службы.

Одни садились прямо на придорожные сугробы, другие становились на колени, чтобы помочь кому-то. О враждебности все забыли. На время.

Гамаш взглянул на месье Вио и поднял руку, а тот в ответ вскинул свою швабру. В знак признательности. После этого зритель ушел, и Гамаш остался один.

Он оглядел помещение и поблагодарил Бога и свою счастливую звезду за то, что в этой суматохе, насколько было известно, никого не раздавили насмерть. Хотя пережитое потрясение и психические травмы даром не проходят.

– Могло быть и хуже, – раздался голос за его спиной.

Гамаш не повернулся. Не мог повернуться. Ему было невыносимо видеть ее.

– Уйдите, пожалуйста.

– Вы спасли мне жизнь, – сказала профессор Робинсон. – Спасибо.

Он продолжал смотреть перед собой, пока шаги за спиной не стихли и снова не повисла тишина.

Старший инспектор Гамаш закрыл глаза и в этой тишине снова слышал выстрелы. Крики и вопли. Детский плач.

И еще он слышал последнее слово, произнесенное профессором Эбигейл Робинсон с трибуны: «...милосердное...»

«Это называется милосердное...»

И тут же раздался треск хлопушек, а потом прозвучали настоящие выстрелы. Но Гамаш мог закончить оборвавшееся предложение. Мог понять, какое слово она не успела произнести.

«Убийство». Но на самом деле она предлагала не «милосердное убийство». Он знал, что речь шла просто об убийстве, обычном и старом как мир.

Глава седьмая

Поздно вечером, когда семья уже улеглась спать и только они двое бодрствовали, Жан Ги пришел к Гамашу.

Он остановился на пороге кабинета.

Арман чувствовал присутствие Жана Ги, но ему нужно было закончить последний доклад. Его пальцы бегали по клавиатуре. Внутренний голос твердил, что он слишком измотан, чтобы писать деловые сообщения, однако желание поскорее сбросить с плеч этот груз пересилило усталость.

После этого он мог забраться в постель к Рейн-Мари, прижаться к ней, зная, что теперь можно немного отдохнуть.

Наконец он нажал «Отправить». Потом снял очки и повернулся к двери:

– Да?

– Мы можем поговорить?

Меньше всего Гамашу хотелось говорить сейчас. Он чувствовал себя опустошенным после случившегося в университете и всего того, что происходило потом.

Следовало позаботиться о раненых. Обыскать здание. И людей. И машины.

Допросить свидетелей, ни один из которых ничего не видел, хотя, вероятно, беспамятство было последствием шока. Кто-нибудь наверняка что-то заметил, им просто требовалось время, чтобы прийти в себя.

Они задержали стрелка – местного жителя по имени Эдуард Тардиф. Пятидесяти трех лет. Он работал лесорубом на заготовке дров.

На допросе Тардиф отказался говорить. Не ответил он и на вопрос, был ли у него сообщник.

– Что известно про оружие? – спросил Гамаш, выйдя из комнаты для допросов.

– Пистолет, – сказал Бовуар. Он едва поспевал за широко шагавшим тестем. – Зарегистрирован на него. Он член местного стрелкового клуба и, конечно, держит оружие там, в сейфе. Администратор клуба говорит, что он превосходный стрелок. Тардиф был вчера в клубе, пострелял немного и ушел. Они пришлют запись с камер наблюдения.

– Хорошо. Нужно допросить семью и друзей. Нанимателей. Всех, кто, возможно, разделяет его отношение к профессору Робинсон. И мы должны найти этих хлопушечников.

Жена и родные Тардифа были потрясены. Не могли поверить, что он способен на такое. Единственный, с кем полицейские не смогли поговорить, был его брат, который отправился в путешествие на снегоходах и теперь находился в шести сотнях километров к северу, где-то в Абитиби³¹.

Отправился он туда в этот самый день.

– Найдите его, – сказал Гамаш. – Эти хлопушки и пистолет каким-то образом были пронесены в зал. Предположительно, это сделал не Тардиф, который прошел туда через входные двери.

Он сердито посмотрел на Бовуара, который покраснел и заговорил, запинаясь:

– Не... То есть да. Я хочу сказать – нет.

К тому времени в университет приехали журналисты.

Старший инспектор Гамаш стоял на морозе в ярком свете съемочной аппаратуры у входа в бывший спортивный зал. Он выступил с заявлением, заверив население в том, что стрелок арестован.

Потом он ответил на вопросы журналистов.

---

³¹ Абитиби – административный регион провинции Квебек.

– Как его зовут?

– Пока мы не будем называть его имя.

– Он местный?

– Сейчас я не могу вам этого сообщить. Идет следствие.

– Какое следствие, если вы его задержали? У него были сообщники?

– Мы работаем над этим вопросом. Необходимо рассмотреть все возможные варианты.

– Как он пронес оружие на лекцию?

– Мы пока не знаем этого. На входе стояли наши люди, проверяли пришедших на наличие оружия. Мы конфисковали несколько бутылок, несколько плакатов. Я не думаю, что кто-то мог пронести в зал пистолет.

– И тем не менее кто-то пронес в зал оружие.

– Да. Пронес. И мы выясним, как это было сделано.

Заглядывая в объективы камер, Гамаш попросил всех, кто имеет какую-либо информацию в связи со случившимся, обратиться в полицию; по возможности прислать в Sûreté видеозапись лекции.

Адрес электронной почты и номер телефона полиции появились на экране в ходе трансляции.

Старший инспектор ответил еще на несколько вопросов, сделал еще несколько заявлений, а потом повернулся, собираясь уходить.

– Почему профессору Робинсон вообще позволили выступать? – крикнул ему в спину один из журналистов. – Разве вы, зная ее взгляды, не должны были запретить эту лекцию?

Гамаш остановился и повернулся к журналистам. Несколько секунд он молча стоял в кругу света.

– Буду с вами честен. Мы боролись с этим. В свободном обществе существуют конкурирующие и подчас противоречащие друг другу требования. Требование свободы выражения даже тех и в особенности тех взглядов, с которыми мы вольны не соглашаться. И требование безопасности. Было решено, что тезисы профессора Робинсон, хотя и весьма неоднозначные, не нарушают законов, а потому она имеет право высказаться.

– Она пропагандирует массовое убийство! – крикнул кто-то из прессы, а может быть, из толпы. – Вы хотите сказать, что согласны с ней?

Неожиданно для себя самого Гамаш тяжело вздохнул, потом сказал:

– Я говорю, что моя работа состоит в том, чтобы охранять закон. А требования закона в этом случае не вызывают сомнений. Поэтому роль Sûreté сводилась к тому, чтобы защитить людей, пришедших на лекцию. Я должен теперь заняться своей работой. Когда у меня появится новая информация, обещаю довести ее до вашего сведения. А пока все должны знать, что это был единичный случай, преступление, совершенное умышленно, и больше никому ничего не угрожает.

– Очевидно, вы думали, что и на лекции никому ничего не угрожало! – крикнул кто-то ему вслед, когда он отошел от микрофона и слепящего света. – А посмотрите, что случилось.

Гамаш вернулся в бывший спортивный зал. За кулисами он устроил себе временный кабинет, чтобы разобраться со множеством подробностей, сопутствовавших расследованию подобного преступления. Допрос свидетелей, сбор улик. Написание докладов. Телефонные звонки, входящие и исходящие. Его детективам предстояло выполнить добрую сотню маневров, и столько же полагалось сделать ему, как старшему инспектору.

У Эдуарда Тардифа не было криминального прошлого. Не было истории насильственных действий. Он, казалось, проснулся этим утром, взял пистолет и решил кого-нибудь убить. В переполненном зале.

Конечно, оставался один из важных вопросов: как пистолет оказался в помещении? Неужели его не заметили проверяющие на входе? Или у преступника был сообщник? Тот, кто заранее принес пистолет в здание?

Гамаш, как и другие старшие чины полиции, знал: они должны исходить из допущения, что преступнику кто-то помогал. И они подозревали, что соучастник срочно отбыл в Абитиби, поскольку понимал: брата непременно арестуют.

Наконец Арман отправился домой, а Жан Ги остался – по идее, для того, чтобы координировать действия с полицией Абитиби и организовать группы, которые будут работать ночью.

Но настоящую причину они оба знали.

Он не хотел ехать домой с шефом. А еще меньше – с тестем. Он не хотел оставаться один на один с человеком, который не мог смотреть ему в глаза.

К тому времени, когда Арман вернулся в Три Сосны, старшие дети были накормлены, вымыты и уже спали.

Рейн-Мари встретила его у двери, обняла и прошептала:

– Мы слышали.

Она не одно десятилетие была женой полицейского высокого ранга, и ей не требовалось спрашивать, в порядке ли он. Она и так видела. И потому просто обняла его.

– А Жан Ги? – поинтересовалась Анни.

Она стояла в прихожей, отвернувшись и закрывая собой Идолу от холодного воздуха, вошедшего в дом вместе с отцом.

– Скоро придет. – Арман закрыл дверь, снял теплую куртку, протянул руки к внучке.

С разрешения Анни он взял Идолу наверх, закатал рукава рубашки и искупал девочку, стараясь держать ее вертикально. Запах детского мыла успокаивающе действовал на него.

Он надел на нее подгузник, его руки умело складывали, застегивали, проверяли.

Не слишком плотно. Не слишком свободно.

– Вот так в самый раз, – прошептал он.

Он все время разговаривал с ней. Немного пел. Задерживал свои большие руки на ее спинке, шейке, головке, и она улыбалась ему.

Такой веселый ребенок...

Он подумал об Эбигейл Робинсон и попытался подавить закипавшую в нем злость. Прогнать возникшую было мысль о том, что могло бы случиться, если бы не его мгновенная реакция.

Потом он положил Идолу в кроватку, поцеловал Оноре, который и сегодня уснул со своими санками. Затем Гамаш заглянул в соседнюю комнату, где спали две другие внучки.

Флоранс соорудила из своего одеяла палатку и читала там с фонариком «Маленького принца».

У нее был виноватый вид, когда дед прервал ее чтение, но он дал ей мятный леденчик и заверил, что не скажет родителям.

Спустившись, он увидел у дверей Даниеля с собаками.

– Выгулять? – спросил Даниель.

– Меня или собак?

– Всех вместе. Если ты пообещаешь не убежать, я не надену на тебя ошейник.

Арман рассмеялся. Казалось, в первый раз за долгое время. Отец с сыном вышли на деревенский луг. Они чуть склоняли голову и слегка раскачивались при ходьбе. Разговаривали. Остановились, нашли на небе Пояс Ориона и Большой Ковш. Покидали снежки для Анри, который их увлеченно ловил. Старый Фред и малютка Грейси смотрели на него, словно говоря: «Глупая собака».

Наконец Даниель спросил:

– Па, ты можешь рассказать, что случилось?

Арман кивнул в темноте:

– Да, поговорить было бы неплохо.

И он рассказал. А когда закончил, Даниель задал ему вопросы, на которые Арман ответил полностью. Полнее, чем отвечал репортерам. Он знал, что сын сохранит это в тайне.

Хотя об одной вещи Арман умолчал.

К тому времени уже вернулся Жан Ги и теперь сидел со всеми остальными в гостиной. Когда Даниель и Арман пришли домой, телевизор был включен.

– Мы собирались посмотреть новости. Ты не возражаешь, Арман? – спросила Рейн-Мари.

– Non. Крайне интересно, как они будут освещать эти события.

Он налил себе скотч, разбавил его водой и присоединился к компании.

Наблюдательная Анни сразу поняла: что-то произошло. Отец не разговаривал с ее мужем. Едва смотрел на него. И Жан Ги тоже не поднимал глаз на тестя.

– Что такое? Что случилось? – прошептала она в ухо мужу, когда они сели на диван.

Но Жан Ги только отрицательно покачал головой.

Самой важной новостью были события в Université de l'Estrie.

– Он шутит, – прошептал Стивен, когда ведущий рассказал о воззрениях профессора Робинсон, о ее растущей популярности, о спровоцированных ее выступлениями стычках, которые становились все более ожесточенными.

Показывали записи, сделанные в зале на телефоны. Видео, конечно, было низкого качества, но оно давало представление о том, что произошло.

Взрывы хлопучек.

Потом крики, вопли. Начало паники. Они слышали голос Армана, призывавшего к спокойствию. А потом звуки выстрелов.

Рейн-Мари сделала резкий вдох, почти ахнула. Остальные посмотрели на Армана. Кроме Жана Ги, который смотрел перед собой.

Интервью с Эбигейл Робинсон. Она отказалась обсуждать содержание своей лекции, заявила: сейчас имеет значение только то, что все остались живы.

Гамаш, державший Рейн-Мари за руку, подумал, что Робинсон сделала это довольно искусно, в своем стиле. Она подавала себя как озабоченного, вдумчивого человека. Глубоко огорченного и очень сострадательного.

«Могло быть и хуже».

В интервью данная фраза не прозвучала. Для этого Робинсон была слишком умна. Но Гамашу она эти слова сказала.

И она была права. Ведь в самом деле могло быть и лучше.

Арман понял, что это точно характеризовало профессора. Изречь истину, но пройти мимо другой истины, еще более верной.

В репортаже появился и сам он, отвечал на вопросы по общественной безопасности, заверял людей, что стрельба в университете – это предумышленное преступление и что теперь угроза миновала.

По телевизору Арман похвалил публику за необычайное умение держать себя в руках, за отсутствие паники. Рассказал, как люди помогали друг другу при эвакуации, успокаивали тех, кто нуждался в помощи. Он говорил об их участливости, о внимании к ближнему. И отметил, что лишь благодаря этому обошлось без жертв.

В своей речи он воздал должное смотрителю здания и полицейским, исполнявшим свой долг в крайне трудных условиях.

Анни видела, что ее муж опустил глаза и уставился в ковер между своими тапочками.

– Жан Ги?... – прошептала она.

Он повернулся, посмотрел на нее, выдавил улыбку.

Она улыбнулась ему в ответ. Тепло. С любовью. С поддержкой. Он подумал: как долго это продлится, если она узнает правду? Нет, поправил он сам себя, не «если», а «когда». Бовуар знал: он скажет ей, что сделал и чего не сделал.

Но сначала он должен поговорить с Арманом.

После новостей они пожелали друг другу *bonne nuit*³² и разошлись по спальням. Только Арману еще предстояло поработать.

Он сел за свой ноутбук, прочел последние сводки, письменные отчеты.

Вокруг него в доме раздавались обычные звуки. Текла вода из открытого крана. Скрипели ступеньки под чьими-то ногами наверху. Стихали, а потом переходили в тишину приглушенные разговоры.

Тихо постанывал и потрескивал старый дом по мере понижения температуры и проникновения холода в кирпичи и балки.

Арман ощутил присутствие Жана Ги, еще не увидев его. Он всегда чувствовал, если его зять находился поблизости.

Закончив последнее на сегодня письмо – подробный отчет премьеру Квебека, он повернулся:

– Да?

– Мы можем поговорить?

Арман протянул руку, выключил настольную лампу, встал.

Очками для чтения он показал в пустую гостиную, где в камине умирал огонек. Выйдя из кабинета, он посмотрел на лестницу, которая звала его в кровать. К Рейн-Мари.

Он мог бы отказаться от разговора с Жаном Ги, сослаться на усталость. Все объяснения можно было отложить до утра. Он мог бы пойти наверх, принять душ, почувствовать кожей горячую воду. Почувствовать Рейн-Мари, ее тепло в своих объятиях.

Но он знал, что этот разговор откладывать нельзя. Разговор был необходим. Еще одно последствие ушедшего дня. Лучше вскрыть этот нарыв.

– Вообще-то, я надеялся, что мы выйдем из дома, – сказал Жан Ги.

– Собаки уже выгуляны.

Арман уже давно решил называть Грейси собакой. Для простоты. И ради собственного душевного спокойствия. Кому нужен бурундук в доме?

Хотя Стивен теперь говорил детям, что после тщательного научного исследования он пришел к выводу, что Грейси почти наверняка крысундук. Фантастическая помесь крысы и бурундука.

«И вполне возможно, – объяснял им детям, окружавшим его, – с незначительной примесью утки. Подождем, когда Грейси подрастет, мы еще посмотрим, может ли она летать».

«Летать?» – вздохнула Зора.

Трудно было сказать, верили ему дети или нет, но они посмеивались над стариком.

– Я думал, мы зайдем в бистро, – сказал Жан Ги.

Арман посмотрел на часы, потом глянул в окно. Казалось, идет четвертый час ночи, хотя на самом деле не было еще и двенадцати. Он видел веселые огни в бистро и почти не сомневался, что заметил внушительный силуэт Мирны, прошеествовавшей мимо барной стойки к дивану у большого камина.

Перед приездом в Три Сосны Мирна Ландерс была известным психотерапевтом в Монреале, специализировалась на особо трудных делах. Часть ее работы приходилась на ЗООП – Зону для особо опасных преступников, где отсиживали срок самые проблемные нарушители закона. Сумасшедшие.

---

³² Доброй ночи (*фр.*).

В один прекрасный день доктор Ландерс подумала, что на свете есть дела поинтереснее, места покрасивее и люди посчастливее – те, с которыми стоит провести жизнь. И потому подала заявление об уходе, стерла свои рабочие файлы, продала дом, набила вещами машину и весенним утром отправилась на юг.

Она решила, что будет ехать, пока, подобно Улиссу, не найдет сообщество, где никто не знает, что такое скребок для очистки лобового стекла ото льда. Но через час езды она заплутала, поднялась на какой-то холм и увидела внизу в долине маленькую деревню. На карте никакой деревни тут не было. Что и говорить – навигатор сообщал, что машина остановилась среди полей непонятно где.

Но это впечатление было ошибочным. Где-то же она находилась?

С вершины холма Мирна видела дома, облицованные плитняком, коттеджи, обитые вагонкой, кирпичные магазины вокруг деревенского луга. Многолетники в садах были в полном цвету. Здесь росли пионы и крупные кусты лиловой сирени. Ряды диких люпинов заполнили склон.

Посреди деревни высились три огромные сосны.

Она съехала вниз, припарковалась перед магазинами, потом вышла из машины, глубоко вдохнула чистый воздух и аромат свежей выпечки. Она заглянула в бистро, чтобы спросить дорогу, села, заказала кофе с молоком и свежайший, еще теплый, хрустящий миндальный круассан. Да так и осталась.

Она сняла помещение по соседству с бистро, открыла там магазин старой и новой книги и поселилась над ним в чердачной комнате.

Арман подозревал, что второй стакан в руках Мирны предназначался ее лучшей подруге Кларе Морроу.

– D'accord, – сказал он Жану Ги. – Бистро так бистро.

Он надел куртку, обулся, недоумевая, зачем Жану Ги понадобилось идти в бистро, когда в доме тепло и можно поговорить с глазу на глаз. Но по пути он все понял.

Дом всегда оставался домом. Безопасным, почти священным местом.

Жан Ги не хотел марать его тем, что собирался сказать. И опять Арман вспомнил, как он восхищался Жаном Ги Бовуаром, как уважал его.

И тем хуже казалось ему то, что вот-вот должно было случиться.

Глава восьмая

Клара посмотрела в сторону открывшейся двери, из которой в теплое бистро хлынул поток холодного воздуха. Следом вошли Арман и Жан Ги.

Соленый кренделек, который она по рассеянности засунула себе в волосы, решив, что это карандаш, упал на старый сосновый пол. Она нагнулась, подняла кренделек, сунула его в рот и задалась вопросом, сколько карандашей она, вероятно, съела, приняв их за крендельки. Поскольку думать об этом было невыносимо, она выкинула этот вопрос из головы.

– Ха, – сказала Мирна, повернувшись к двери. – Никак не ожидала их увидеть.

Она принялась раскачиваться, чтобы набрать инерцию и поднять свое мощное тело с глубокого дивана, но, увидев лицо Армана, замерла.

Утка Роза, сидевшая рядом с ней на диване, забормотала свое обычное «фак, фак, фак», у нее тоже был удивленный вид. Правда, с утками такое нередко случается.

– Кто это? – спросила женщина в кресле, стоявшем ближе к огню.

Непривычная к зиме, она под свободный пурпурный кафтан надела пару колючих шерстяных свитеров. Шерстяной шарф на ее шее был в цвет хиджаба, обрамляющего лицо, на котором, казалось, оставило свои следы время.

В свои двадцать с небольшим Ханья Дауд выглядела гораздо старше.

Ее губы сердито сжались. Глаза подозрительно сощурились.

– Копы, – сказала Рут Зардо. – *Sûreté du Québec*. Жестокие. В особенности по отношению к цветным, Мирна это хорошо знает. Вероятно, пронюхали, что ты здесь. – Она огляделась. – Убегать поздно.

– Да бога ради, Рут! – рявкнула Мирна. Потом обратилась к Ханье: – Это вранье.

Но она опоздала. Новенькая схватила Рут за худую руку:

– Спасите меня! Я знаю, что полиция делает с такими, как я. Вы должны мне помочь! – От страха она повысила голос. – Пожалуйста! Я вас умоляю.

Рут, сообразив, что переборщила со своими шутками, отчаянно пыталась отыграть назад.

– Нет. Нет, нет, нет. – Вот все, что она сумела из себя выдавить.

Ханья, подвывая, принялась раскачиваться назад-вперед. Роза выдала здоровенный «фа-а-а-ак».

И только когда Мирна принялась хохотать, до Рут дошло. Ее глаза сузились, она впирила взгляд в Ханью:

– Так ты морочишь мне голову?

– С какой стати я стала бы это делать? – сказала молодая женщина совершенно спокойным голосом и с улыбкой на лице.

Но ее глаза горели огнем, быстро опознанным и психологом Мирной, и художником Кларой. Ее глаза горели не весельем, а яростью.

Арман и Жан Ги сняли куртки и двинулись через зал, с его деревянными балками и полами из широких досок. Пылали, излучая тепло, дрова в огромных каминах из плитняка по обе стороны зала.

Ни Гамаш, ни Жан Ги не поздоровались с друзьями и соседями. Шагая по залу, они смотрели прямо перед собой.

Голоса в бистро стихли. Все знали, что случилось в университете сегодня днем. Рут поприветствовала вошедших своим обычным способом, но они проигнорировали ее выставленный средний палец.

Жан Ги выглядел особенно мрачным.

* * *

Арман прошел мимо нескольких свободных столиков, выбрав маленький круглый стол подальше от других посетителей. Он повелительно указал Жану Ги на дальний стул в углу. Жан Ги задался вопросом: нарочно ли это? Словно он был провинившимся ребенком.

Старший инспектор крайне редко делал что-то без определенной цели.

Жан Ги протиснулся на указанное место, сел, посмотрел на компанию у камина. Как же ему хотелось, чтобы они с Гамашем устроились поближе к ней! Посидели бы у огонька, поговорили о том, что день прошел без происшествий, узнали, сколько книг у Мирны украла Рут, которая заявляла, что никакой это не книжный магазин, а библиотека. Выслушали бы рассказ Клары о ее последней работе, посмотрели на крошки, выпадающие из ее волос, когда она порывистым движением проходится по ним пятерней...

Обменялись бы неличеприятными высказываниями со спятившей старой поэтессой и делали вид, что не слышат бормотания странной утки. А ко времени закрытия быстро к ним подсели бы Оливье и Габри, притворяясь, что их не интересуют слухи о том, кто придет на завтрашнюю новогоднюю вечеринку в большой дом на холме.

Пока они шли к дальнему столику, Жан Ги заметил, что у камина сидит кто-то еще. Кто-то незнакомый. Пожилая женщина в хиджабе.

И тут Жан Ги вспомнил, кто это может быть. Мирна говорила, что привезет эту женщину из Монреаля сегодня вечером. В деревне были большие волнения в связи с прибытием Хании Дауд. Женщины, которая столько всего вынесла. Сумела выжить. Женщины, которая выступала в ООН. Возглавила движение за социальную справедливость. Многих людей привела к свободе. Была номинирована на Нобелевскую премию мира.

Мирна Ландерс, поддержанная другими жителями Трех Сосен, одной из первых откликнулась на призыв Хании Дауд о помощи. Была развернута кампания борьбы за права человека в уголке мира, мало кому известном и, казалось, еще меньше кого-то интересующем.

Однако мадам Дауд приехала в Канаду поблагодарить Мирну и остальных за поддержку.

И теперь, проходя мимо, Жан Ги подумал, появится ли она на новогодней вечеринке. Ходят ли такие люди на вечеринки или считают это пустым занятием?

И другой вопрос: пойдет ли на вечеринку он сам, или его опять засунут в угол?

Пока эти мысли мелькали в его голове, он втянул живот, размер которого начинал его удивлять, и протиснулся на место.

– Ты что будешь? – спросил Арман.

– Я закажу, – сказал Жан Ги и предпринял попытку встать.

– Сиди. Я сам. Что тебе взять?

Пока Арман говорил, Оливье шел по залу в их сторону.

Владелец быстро улыбался. Не во весь рот, но с теплотой. Он, как и все остальные, знал о том, что случилось. Видел новости в Интернете и по телевизору.

– Арман, – сказал он и прикоснулся к его руке. – Все в порядке?

Арман натянуто улыбнулся и кивнул:

– Отлично.

– Я вам верю. А ты? – спросил он Жана Ги.

– В порядке.

Оливье несколько мгновений разглядывал их, хотел было сказать что-то сочувственное, но промолчал. Что бы ни произошло между этими двумя, он не сумел бы найти слов утешения.

А потому он предложил что мог:

– У нас остался лимонный пирог с безе.

– Мне только содовую, patron, – сказал Арман. – Merci.

– А мне диетическую колу. Спасибо. – «Не уходи, не уходи, не уходи».

Оливье отошел от столика, бросив на Жана Ги сочувственный взгляд. Понять, что происходит между Гамашем и Жаном Ги, он не мог, но, глядя на них, ощущал, что мир полон смуты.

Возвращаясь к бару, он встретил Габри. Его партнер направлялся к Арману и Жану Ги, чтобы выразить сочувствие.

– Не подходи к ним, – остановил его Оливье.

* * *

Они не начинали разговора, пока перед ними не поставили заказ.

В шипучке Армана был ломтик лимона – он не просил об этом, но Оливье знал его вкусы. В бокале с колой, поданном Жану Ги, плавал, как ему нравилось, кусочек лайма.

Габри настоял на том, что именно он отнесет заказ. Крупный и от природы словоохотливый, он молча поставил на стол тарелочку с пирогом.

– Merci, – сказал Арман, тогда как Жан Ги уставился на лимонный пирог с безе, словно на святыне мощи.

Палец ноги святого Иуды, покровителя безнадежных дел. Костяшка пальца святой Маргариты, святой патронессы тех, кто отвергнут религиозными орденами, по какой причине Жан Ги и выбрал ее в свои любимые святыне.

А теперь священный пирог святого Габри. Хотя Жан Ги знал, что даже это подношение не может творить чудеса. Если только Габри не испечет машину времени, молитвы Жана Ги останутся без ответа.

Когда Габри ушел, за столиком воцарилась гнетущая тишина.

Рождественские гирлянды, украшающие ветви громадных сосен на деревенском лугу, мерцали красными, синими и зелеными огоньками. Их отсветы играли на лице Армана. Это веселое перемигивание составляло резкий контраст с выражением глаз Гамаша, который ждал, когда его заместитель что-нибудь скажет.

– Вы хотите, чтобы я подал в отставку? – тихим голосом спросил Жан Ги.

– Сначала я выслушаю объяснение, а потом уже буду решать.

– Я виноват.

Старший инспектор Гамаш хранил молчание. Ждал продолжения. Его руки лежали на столе, сцепленные так крепко, что кожа на костяшках побелела, а пальцы побагровели от притока крови.

– Я хотел послушать ее вживую, – сказал Жан Ги. – Хотел увидеть, что она собой представляет. Понять, много ли тех, кто ее поддерживает. Насколько убедительны ее речи. Насколько она опасна на самом деле.

Жан Ги ждал, что ответит его тесть. Но молчание все длилось, и наконец он понял, что Гамаш не собирается говорить.

Его тесть находился где-то далеко-далеко.

Жан Ги сидел напротив своего начальника. Главы отдела по расследованию убийств Sûreté du Québec. Человека, который некогда возглавил всю полицию провинции и отверг предложение возглавить Королевскую канадскую конную полицию³³.

Арман Гамаш предпочел вернуться в отдел по расследованию убийств – искать и обезвреживать преступников.

Напротив Жана Ги сидел человек, который нашел его много лет назад в одном из полицейских отделений Квебека. Бовуар был фактически сослан на дальние рубежи Sûreté; он

---

³³ *Королевская канадская конная полиция* – федеральная полиция Канады, в отличие от полицейских подразделений, которые подчиняются властям провинций, в частности Квебекской полиции.

застрелял в подвальном хранилище вещдоков, потому что ни один из агентов не мог с ним справиться.

Старший инспектор Гамаш, расследовавший очередное убийство, спустился в подвал, где сидел Бовуар, кинул на него всего один взгляд и попросил начальство приписать Бовуара к его, Гамаша, команде. Начальник подразделения, в котором служил Бовуар, с радостью отпустил незадачливого агента – несомненно, в надежде, что того рано или поздно убьют. Или что он опозорится и будет уволен. Его устраивало и то и другое.

Жан Ги и Гамаш поехали на берег лесного озера, куда вынесло тело убитого, и по пути старший инспектор побеседовал с молодым агентом. Тихим голосом он объяснил, что следует и чего не следует делать.

Доехав до места, Гамаш не выпустил Бовуара из машины. Он посмотрел ему в глаза и сказал: «Есть и еще кое-что, о чем ты должен знать».

«Да, я знаю. Не прикасаться к уликам. Не трогать тело. Вы мне все это сказали. Очевидные вещи».

«Есть четыре предложения, которые ведут к мудрости, – невозмутимо произнес старший инспектор, не обращая внимания на тираду Жана Ги. – Поступай с этим, как сочтешь нужным».

С Бовуаром никогда не говорили подобным образом.

«Поступай с этим, как сочтешь нужным». Ну кто сегодня так выражается?

Но не только эта странная формальная фраза удивила Бовуара – насколько он помнил, никто при нем не произносил более трех слов без таких необходимых связок, как «фак», «срань», «говно». Включая и его отца. И даже его матери, если уж начистоту. И уж конечно, они никогда не упоминали в его присутствии о мудрости.

Он посмотрел на этого немолодого человека с тихим голосом и обнаружил вдруг, что внимательно слушает его.

«Я прошу прощения. Я ошибался. Я не знаю». Бовуар слушал, а старший инспектор разгибал пальцы по одному, пока ладонь не раскрылась. «Мне нужна помощь».

Бовуар заглянул в глаза Гамаша и увидел в них нечто новое для себя. Доброту.

Это так его потрясло, что он покраснел. Разозлился. Чуть ли не вывалился из машины, чтобы бежать подальше от того, чего он не мог понять и что пугало его³⁴.

Но с тех пор он никогда не забывал этих слов. Того момента, когда он впервые в жизни столкнулся с добротой. Когда ему в четырех простых, хотя и нелегких для понимания предложениях показали путь к мудрости.

Жан Ги часто спрашивал себя: что прославленный глава отдела по расследованию убийств увидел в задолбанном, закомплексованном, неврастеничном и эгоистичном агенте? Вероятно, то же самое, что и в других рекрутах.

В отделе по расследованию убийств служили отбросы, те, от кого отказывались все остальные. Потерянные и сломленные. Но каждого принял на службу тот человек, который сидел теперь напротив Бовуара.

Предыдущим вечером перед кроватью Идолы он упросил Армана принять его в команду.

Этим утром Арман согласился. И поручил ему пост на улице у входа в здание.

После инструктажа и перед тем, как открыть двери, старший инспектор отвел Лакост и Бовуара в сторону. Гамаш отстегнул от пояса кобуру с пистолетом и вручил Бовуару.

«Вы же сказали, что...» – начал было Бовуар.

«Я помню, что говорил. Но нам нужен хотя бы один вооруженный полицейский. И это должен быть ты – старший офицер вне пределов здания. Если начнется заваруха...»

---

³⁴ В романе «Королевство слепых» разговор состоялся в кабинете Гамаша. – *Примеч. ред.*

«...Я тут же буду на месте, raton», – продолжил Бовуар, взяв пистолет в выдавшей виды кобуре, которую закрепил на своем поясе.

Но он не оказался на месте в нужный момент.

Он покинул свой пост. Нарушил приказ. Оставил старшим вместо себя молодого агента. И сделал это не потому, что внутри возникла кризисная ситуация, а потому, что хотел увидеть Робинсон своими глазами.

Веселое подмигивание рождественских огней, отражавшихся в глазах старшего инспектора, не могло скрыть кипевшей в них ярости. Напротив, еще сильнее подчеркивало ее. Так выплескивали гнев плакаты, нарисованные цветными карандашами.

– Я никогда не верил в оправдание временным помешательством, – сказал Жан Ги, обретя голос. – Я считал, что это вранье. А теперь я верю в него. На меня нашел миг затмения.

– Это и есть твоё объяснение? Временное помешательство?

– Не знаю. – Бовуар уронил взгляд на столешницу, потом снова посмотрел в глаза Гамаша. – Я сам толком не знаю, почему сделал это. Я виноват, и я приношу свои извинения.

– Я думаю, ты знаешь, – процедил Гамаш, почти не скрывая гнева.

– Не знаю. Я много раз задавал себе этот вопрос и не могу найти ответа.

– Прекрасно можешь, – сказал старший инспектор. – Просто ты боишься заглянуть слишком глубоко.

В этот миг Жан Ги ощутил, как в нем тоже поднимается ярость, заливая жаром шею и щеки.

– Мне нужно нечто большее, чем «не знаю». – Гамаш вперился взглядом в Бовуара. – Ты бросил свой пост. Фактически оставил вход без присмотра. Ты вошел с оружием в помещение, где назревали беспорядки, – сделал именно то, что я категорически запретил. Ты поставил под угрозу жизнь людей. Ты отдаешь себе отчет в том, что мы были в шаге от трагедии? И не потому, что могли застрелить меня или профессора. В панике и давке могли быть растоптаны сотни людей. Дети...

Гамаш замолчал, не в силах продолжать. Кошмарная картина стояла перед его глазами.

Морщины на его лице стали резче. Пытаясь сдержаться, он давился своими словами, своей яростью, и потому из его горла исходил какой-то странный звук. Звук, напоминающий предсмертный хрип. И Бовуару это показалось некой разновидностью смерти. Концом чего-то драгоценного и, как выяснилось, хрупкого.

Доверия.

Жан Ги смотрел на Гамаша, чувствуя, как мурашки бегут по коже; он понимал: если доверие умерло, то это он убил его.

Гамаш взял себя в руки и наконец выдавил:

– Ты только все усугубил.

Сказанное им прозвучало как пощечина. И эта пощечина заставила Бовуара очнуться. Он пришел в себя. И теперь ясно увидел, почему поступил именно так. Может быть, его объяснение не удовлетворит старшего инспектора, но будет понято тестем.

– Идола... – начал Жан Ги, но больше не успел произнести ни слова.

– Не смей перекладывать вину на свою дочь! Дело не в ней, и ты прекрасно это знаешь.

И вот тут Жан Ги взорвался.

– Я знаю... сэр, то, что я ее отец. А вы только дед. – Барьеры рухнули, он почувствовал себя свободным от любых ограничений. – Вы ничего не значите. Вы давно уже будете гнить в земле, а она останется с нами. Навсегда. А в какой-нибудь день это бремя ляжет на плечи Оноре. Так что не смейте никогда, к чертям собачьим, говорить мне, в ней дело или не в ней! Потому что в ней как раз все дело!

К концу тирады его рычание перешло в крик. Его пальцы вцепились в столешницу, и он в ярости, в неожиданном припадке безумия дернул ее так, что пирог с безе подпрыгнул и упал на пол.

В бистро повисла мертвая тишина – остальные посетители сперва уставились на Жана Ги, потом отвернулись, словно он вдруг разделся до исподнего. Обнажил то, что не принято показывать посторонним.

А потом, когда прозвучало это слово, он лишился и последних покровов, оставшись голым, как новорожденный младенец.

«Бремя. Бремя».

Тишина снова окутала их, слышались только тихие всхлипы Жана Ги, который с трудом дышал, борясь со слезами, застилавшими глаза. Он отодвинул назад свой стул. Вернее, попытался. Хотел встать. Уйти. Но он оказался слишком плотно втиснутым в угол.

А Гамаш все так же хранил молчание.

Жан Ги чуть было опять не сорвался в крик, он собирался потребовать, чтобы его немедленно выпустили из-за стола, но взглянул на старшего инспектора и увидел слезы на его глазах.

* * *

– Что с ними такое? – спросила Ханя Дауд.

Кроме нее, никто не смотрел в ту сторону.

– Ничего, – сказала Клара. – Просто у них был трудный день.

– Вот как. – Ханя узнала более крупного мужчину – старшего копа, она видела его сегодня в новостях. – Почему вы их не любите? Что они вам сделали?

– Ничего, – ответила Рут.

– И все же, наверное, они что-то натворили. Когда они вошли, вы показали так. – Ханя выставила средний палец. – Кажется, это означает «идите в жопу».

Мирна удивленно вскинула брови.

– А еще это жест обожания, – пояснила Рут. – Если тебе вручат Нобелевскую премию, ты можешь начать свою речь с этого.

Ханя Дауд улыбнулась, продолжая сверлить старуху жестким взглядом. Потом перевела его на полицейских.

– Они агрессивны. Не владеют собой. И наверняка вооружены. – Она огляделась. – Не думаю, что мне здесь нравится.

Глава девятая

Жан Ги опустил голову и закрыл лицо руками, пытаясь подавить рыдания.

Арман внешне оставался спокойным, хотя морщинки в уголках его глаз были влажными от слез.

Он достал чистый платок, толкнул его по столешнице в сторону Бовуара, а сам промокнул глаза салфеткой.

Наконец, вытерев лицо и высморкавшись, отец Идолы посмотрел на ее деда.

Но прежде чем Жан Ги успел заговорить, Арман сказал:

– Я прошу прощения. Ты прав. Теперь все в твоей жизни связано с Идолой и Оноре. Я должен был понять это. Прости меня. Я не должен был ставить тебя на этот пост. Я совершил ошибку.

В самой ситуации, созданной Эбигейл Робинсон, было что-то, пробуждавшее в людях худшее. Но что? Хотя Гамаш теперь стоял перед собственной неудобной правдой.

Профессор Робинсон обнажала ярость, хотя и не творила ее. Страх. И да, вероятно, даже трусость, которую люди скрывали. Она являла собой некую генетическую мутацию, провоцирующую болезни, которые обычно не проявляют себя.

Она действовала как катализатор. Но потенциал, болезнь уже существовали.

И теперь Эбигейл Робинсон путешествовала по всей стране, по всему миру в Интернете, своей сухой статистикой пробуждая в людях самые глубокие страхи, негодование. Отчаяние и надежды.

Жан Ги опустил глаза и, словно в коматозном состоянии, уперся неподвижным взглядом в руины лимонного пирога с безе.

– Что? – прошептал Арман, чувствуя, что Жан Ги выговорился не полностью. – Мне можешь сказать.

– Бремя. Я назвал собственную дочку бременем. – Он поднял опухшие глаза на Армана. – И...

Арман ждал.

– И именно это я имел в виду. – Он бормотал все тише, а последних слов было почти не разобрать.

Теперь в его глазах стояла мольба. Слезный крик о помощи. Арман протянул руку над столом, ухватил запястье Жана Ги.

– Ничего, – произнес он тихо. – Продолжай.

Жан Ги ничего не сказал, он сидел с приоткрытым ртом, часто дышал.

Арман ждал, его пальцы лежали на рукаве свитера Жана Ги.

– Я... – начал было Жан Ги, но замолчал, чтобы взять себя в руки. – Боюсь, но в чем-то... в глубине души я согласен с ней. В том, что касается абортов... Я ее ненавижу! – Он выпалил это на одном дыхании и посмотрел на Гамаша: какова будет реакция на такое заявление?

Ему ответил задумчивый взгляд тестя. Печальный.

– Продолжай, – почти прошептал Арман.

– Она говорит теми словами, которые и мне приходили в голову. Выражает то, что я пережил. Я иногда жалею, что никто, к примеру доктор какой-нибудь, не сказал нам, что аборт необходим. Что у нас нет выбора. Чтобы мы с Анни не чувствовали себя виноватыми, приняв такое решение. Чтобы жизнь была... нормальной. Господи, – Жан Ги снова закрыл лицо руками, – помоги мне.

И только когда Жан Ги опустил руки, Арман заговорил.

– И почему же вы не решились?

– На что?

– Не решились на аборт? Вам сказали, что у плода синдром Дауна, на самом раннем этапе беременности. Вы вполне могли это сделать.

Жан Ги, который ничуть не боялся этого вопроса, этого разговора, вздохнул с непомерным облегчением. Та темень, что окутала его сердце, была извлечена на свет. И Гамаш не отпрянул от него с отвращением, а вел себя так, словно то, о чем говорил Жан Ги, было хоть и мучительным, но совершенно естественным.

И возможно, Жан Ги начал думать, что так оно и есть.

– Мы с Анни говорили об этом. Мы собирались. У нас было назначение. Но мы не смогли. Тут не было ничего религиозного. Вы знаете, мы далеки от церкви, от веры. Просто нам стало казаться, что это неправильно. Решили, что если плод во всем остальном будет развиваться нормально, то мы... – «...то мы, – мысленно продолжил Жан Ги, – сохраним ее?».

От подобных формулировок их дочь словно превращалась в щенка.

Но именно таким было решение, именно в таких выражениях они это обсуждали.

– ...сохраним ее. – Жан Ги помедлил. – Мне так страшно.

– Чего ты боишься?

– Что я не буду любить ее достаточно, что я буду плохим отцом. Что я не готов для этого.

Арман сделал глубокий, протяжный вдох, но ничего не сказал. Он позволял Бовуару выговориться до конца.

– Я смотрю на нее, Арман, и не вижу ни Анни, ни себя. Ни вас и ни Рейн-Мари. Ни моих родителей. Я не вижу никого из моей семьи. Бывают моменты, когда я не могу жить без нее, а бывает, воспринимаю ее как нечто чуждое.

Арман кивнул:

– Это яблоко упало далеко от дерева.

Жан Ги не сразу понял сказанное Гамашем, потом чуть улыбнулся и посмотрел на схваченное морозцем окно. На деревенский луг. На три громадные сосны.

– А может быть, не так уж и далеко, – спокойно произнес он, чувствуя себя гораздо лучше, чем когда-либо за последнее время. «Может быть, – подумал он, – это бремя – вовсе не Идола. А стыд».

– Ты ведь знаешь, – сказал Арман, – почти каждый родитель на каком-то этапе чувствует то же, что и ты. Желание вернуться к прежней беззаботной жизни. Не могу тебе сказать, сколько раз мы с Рейн-Мари в раздражении смотрели на Даниеля и Анни и жалели, что это не чужие дети. Сколько раз мы жалели, что у нас дети, а не собаки.

Почему-то эти слова вызвали у Жана Ги желание расплакаться. С облегчением.

– Ты сейчас рассказал о том, как тяжело далось вам решение сохранить ребенка, – добавил Арман ровным, уверенным голосом. – Но есть разница между трудным выбором и вынужденным абортom плода, который далек от совершенства. Именно об этом и говорит профессор Робинсон, именно на это она теперь намекает. И пусть она излагает свою теорию иными словами, это все равно разновидность евгеники³⁵. Ты можешь себе представить, каких людей мы потеряли бы?

Арман чувствовал, что его гнев может перерасти во вспышку, выходящую за рамки приличий.

Но идеи, которые продвигала Эбигейл Робинсон, уводили гораздо дальше, за все пределы допустимого.

Изучив статистику смертей во время пандемии и сделав оценку экономической целесообразности, она пришла к выводу, что одним выстрелом можно убить двух зайцев. И Эбигейл

---

³⁵ *Евгеника* – учение о селекции применительно к человеку, а также о путях улучшения его наследственных свойств; считается теоретической основой преступлений нацизма. В Европейском союзе в 2000 году введен запрет евгенической практики.

Робинсон – в своей приятной манере – была счастлива бросить камень, способный вызвать лавину.

Что, если помочь тем, кто страдает от невыносимых и бесконтрольных болей, умирающим, прикованным к постели, превратившимся после удара в овощ, слабым и немощным? Что, если облегчить их страдания? Простой инъекцией? Они будут избавлены от мук, а общество – от расходов. От бремени.

Хотя это слово никогда не произносилось, оно подразумевалось. Невидимо присутствовало.

А если оптовые смерти сотен тысяч пожилых мужчин и женщин, смерти, которые во время пандемии случались сами по себе, поставить на поток, разве это не будет милосердием? Добротой? Даже человечностью?

Разве не усыпляют неизлечимо больных животных? Разве это не считают поступком, основанным на любви? Так в чем разница?

Королевская комиссия, получив доклад Робинсон, отказалась его рассматривать. Легитимировать само предложение.

Но...

Но профессор Робинсон отправилась в турне со своими лекциями. Она вывешивала свои графики и демонстрировала, с присущей ей твердой уверенностью, удивительно очевидную корреляцию между сэкономленными деньгами и деньгами, необходимыми для возрождения после экономической катастрофы, вызванной коронавирусом.

Если реализовать ее предложения, то все будет хорошо.

И разве ассистированный суицид уже не легализован в Канаде?³⁶ А то, что предлагает она, Робинсон, представляет собой только еще один шаг в этом направлении.

Конечно, если осуществить проект профессора Робинсон, то право умереть превратится в обязанность, но жертвы свободному обществу необходимы.

И в последнее время профессор, ободренная растущей поддержкой, деликатно обращала внимание и на другую сторону жизненного цикла. На младенцев. С врожденными пороками развития.

И на то, как можно облегчить их страдания.

Гамашу казалось теперь, что они заперты в каком-то подобии мистерии, финал которой определит, в какую сторону должны двигаться грядущие поколения.

Впрочем, существовал способ остановить это. Если лицо, возглавляющее, легитимирующее эту кампанию...

– Я написал отчет о сегодняшних событиях, – сказал Гамаш, обрывая собственную мысль. – И конечно, будет проведено расследование.

– Я завтра утром напишу... – начал Жан Ги и хотел продолжить: «...заявление об отставке», но Гамаш перебил его.

– Как? – спросил он, подаваясь вперед и держа крепко сцепленные руки на столе. – Как в зал прошли люди с хлопушками. И с пистолетом? Как этот пистолет оказался в руках стрелка? Скажи мне честно, в какой момент ты покинул пост у входных дверей?

– Только после того, как мы пустили последнего пришедшего на лекцию и закрыли двери. Никто не входил после меня, patron. И всех, кого пропускали в зал, тщательно обыскивали. Я это знаю.

Гамаш верил ему.

– Значит, кто-то спрятал пистолет в здании заранее. Кто-то, имевший туда доступ.

– Брат Тардифа, – предположил Бовуар.

---

³⁶ Ассистированный суицид, или ассистированный врачом суицид (не путать с эвтаназией), был легализован в провинции Квебек в 2014 году.

– Да. Вероятно. Но мы должны копать глубже. Надо искать человека, который заранее знал об этой лекции и мог, не навлекая на себя подозрения, пройти в бывший спортзал.

– Смотритель?

– Возможно.

Гамашу не хотелось думать, что Эрик Вио может быть соучастником, но в то же время он знал, что это обоснованный вопрос.

К сожалению, в старом спортивном зале отсутствовали камеры наблюдения. Такое оборудование было бы слишком дорого для редко используемого и к тому же не представляющего особой ценности помещения. Но у Бовуара возникла мысль на этот счет.

– Помните видео, которое мы смотрели несколько недель назад? Для любителя из публики, снимавшего лекцию на телефон, запись была слишком чистой, слишком профессиональной. Робинсон наверняка нанимает кого-то для съемки своих выступлений.

– Возможно, ты прав. Хотя камера была бы направлена на сцену, а не на публику. Впрочем, трудно сказать наверняка. А что с видео, снятыми зрителями?

– Пока ничего. Как вы уже отметили, камеры телефонов смотрели в сторону сцены. А после хлопухек начался сумбур. На видео все трясется, ничего не разобрать. Думаете, эти два события связаны? Хлопушки должны были вызвать панику и отвлечь внимание от выстрелов? Чтобы в давке никто не заметил стрелка?

Размышляя над этим, Гамаш медленно покачал головой:

– Не знаю. Простое совпадение кажется натяжкой, но если эти события и были заранее спланированы, то результата не дали. Выстрелы прозвучали через тридцать две секунды после хлопухек. К этому моменту люди уже начали успокаиваться. Логичнее предположить, что взрывы хлопухек и реальную стрельбу планировали одновременно.

– Может быть, все произошло по случайному стечению обстоятельств: Тардиф, услышав хлопухи, решил, что это его шанс и нужно им воспользоваться. Просто в спешке он не попал в Робинсон.

– Возможно. – Гамаш погрузился в раздумье. – Администратор стрелкового клуба сказал, что Тардиф отличный стрелок, верно? Но все же он промахнулся. Два раза.

– Напряжение в стрессовой ситуации. Мы все промахивались. Столпотворение в зале, Тардифа могли толкнуть. Да и не скажешь, что он сильно промахнулся, raton.

– Это верно. – Гамаш все еще находил мелкие щепки от трибуны, застрявшие в ткани костюма. – Если цель состояла не в убийстве Робинсон, а в том, чтобы напугать публику, то, возможно, он идеально воплотил в жизнь свои планы. Сначала хлопухи, чтобы пощекотать нервы, а потом выстрелы, гарантирующие панику.

Гарантирующие давку у дверей. И последствия. Травмы и смерти мужчин, женщин, детей. Что же за монстр этот Тардиф, подумал Бовуар.

– Видимо, он предполагал: даже если профессор Робинсон уцелеет, гибель людей в давке будет навечно связана с ее кампанией, – сказал Жан Ги. – Если не она, то ее движение будет убито.

– Ой ли? – усмехнулся Гамаш. – А ты прикинь. Беспорядки с десятками или даже сотнями жертв прогремят на весь мир. Робинсон получит известность, которую не купишь ни за какие деньги. На нее никто не взвалит вину за случившееся. Напротив, все будут считать ее жертвой, едва избежавшей смерти. Это уже происходит. В сегодняшних вечерних новостях она казалась почти совершенством. Можно подумать, специально готовилась.

– Погодите. – Жан Ги поднял руку, он не успевал следить за ходом мысли старшего инспектора. – Полагаете, она сама стоит за всем этим?

– Тардиф – промахнувшийся снайпер, – ответил Гамаш. – Промахнувшийся дважды.

– Чуть-чуть, – повторил Бовуар.

Он знал – хотя и не говорил об этом, – что если бы он был на месте Тардифа, то попал бы в цель.

Жан Ги вытащил свой блокнот и сделал себе заметку на память – выяснить, имели ли место контакты Тардифа с профессором Робинсон или ее помощницей. Но вдруг замер и посмотрел на Гамаша.

– Ты не уволен, – сказал старший инспектор, прочитав выражение его лица. – Я не упомянул тебя в отчетах, которые отправил сегодня вечером.

– Вы солгали?

– Грех упущения. Я не видел, что может выиграть Sûreté или публика от того, что великолепный полицейский будет уволен за один промах, от которого не случилось никакого вреда.

– Если это выяснится, вас уволят, – сказал Бовуар.

– Меня уже увольняли, – кивнул Гамаш. – Подозреваю, им наскучило менять имя на дверной табличке. Послушай, Жан Ги, это моя вина. Если я защищал чужого человека, то ты защищал собственную дочь. Ты дал мне понять это предыдущим вечером. Предупредил меня. И ты был прав. Она нуждается в защите. Это дело твоей жизни. Важное дело.

– Я нарушил приказ, – проговорил Бовуар.

– Я знаю. Слушай, ты хочешь быть уволенным? – Когда Бовуар отрицательно покачал головой, Гамаш сказал: – Bon, тогда перестань спорить. Прими это как данность.

– Merci. – Потом Жана Ги осенило. – Этим делом займется отдел тяжких преступлений? Это же не убийство. Не наша сфера расследования.

– Non. Я попросил, чтобы расследование было поручено нам. И получил согласие.

Жан Ги начал было спрашивать, почему Гамаш захотел вляпаться в такую грязь, но остановился на полуслове. Он понял.

Если за дело возьмутся сотрудники отдела тяжких преступлений, они точно выяснят, что произошло. И обнаружат, что Бовуар пренебрег своим долгом.

Гамаш хотел защитить его. Но Жан Ги подозревал, что его интерес этим не исчерпывается.

Арман Гамаш хотел узнать побольше об Эбигейл Робинсон. Знание было силой, а ему требовалось как можно больше силы, чтобы оградить от зла внучку и всех, подобных ей. И непохожих на нее.

Жан Ги посмотрел в сторону камина – возле него сидела Ханья Дауд, эта выдающаяся женщина. Женщина, которая, рискуя жизнью, столько людей привела в безопасное место. В особенности детей. И при этом потеряла своих.

Он слегка поклонился ей.

Арман, понимая, что происходит в голове у зятя, встал и оттащил стол от угла, освобождая пленника.

– Ты вот ничуть не похож на меня, – сказал он. – Но все же ты мой сын.

* * *

Оливье и Габри присоединились к женщинам, и теперь все поднялись, чтобы поздороваться с Арманом и Жаном Ги. Даже Рут.

Обнимая старуху, Жан Ги ощутил птичьи кости под свитером, дырявым от моли, и ему подумалось, что, может быть, безумная старая поэтесса и есть мать Розы.

– Мы тут нахулиганили, patron, – сказал Арман, обращаясь к Оливье и показывая на куски пирога, лежащие на полу. – Можем убрать.

– Не беспокойтесь. Я уберу. У меня есть система утилизации. – Он посмотрел на Рут.

Не поднялась вместе со всеми только гостья в ярком, пурпурном с золотом кафтане и в хиджабе.

– Я хочу представить вас Хании Дауд, – сказала Мирна. – Ханья, это наши друзья Арман Гамаш и Жан Ги Бовуар.

Теперь, с близкого расстояния, Жан Ги видел, что на самом деле женщина довольно молода. А выглядела она гораздо старше из-за рубцов на лице и усталых глаз.

Ханья Дауд уставилась на них:

– Вы – полиция.

– Да. И соседи, – сказал Арман. – Для меня честь познакомиться с вами, мадам.

Он чуть наклонил голову, но руки не подал, зная, что она отвергнет рукопожатие.

Несколько секунд она смотрела на него, потом произнесла:

– Не люблю полицию.

– Я вас в этом не виню. Я бы тоже не любил полицию, если бы мне, как вам, довелось пройти через такие испытания.

Она улыбнулась ему.

– Я встречала людей, мужчин, похожих на вас. Достойных. Думающих. Наделенных властью. Вы прирожденный лидер, да? – Ханья оглядела остальных женщин, и те кивнули. Она подалась вперед и понизила голос, отчего Гамашу пришлось нагнуться, чтобы услышать ее слова. – А еще я знаю, как вы используете свою власть и что вы делаете, чтобы ее удержать. Меня вы не обманете.

– Я и не пытаюсь, – прошептал он в ответ ей. – Вы меня не знаете, мадам Дауд. Надеюсь, ваше отношение ко мне изменится в течение ближайших дней. – Он выпрямился. – Уже поздно, и все мы устали. Надеюсь, вы хорошо выспитесь. Может быть, утром все будет выглядеть иначе.

– Исчезнет снег? Появятся цветы, зазеленеет травка? – Она повернула голову к окну. – Никогда не видела более мрачного ландшафта.

– Нет, – сказал Гамаш. – Снаружи ничего не изменится, но внутри – вероятно. Во всяком случае, можно надеяться на это.

– Можно не только надеяться. При желании мы способны на большее, старший инспектор. Одной надежды бывает мало.

Когда она улыбалась, шрамы от порезов на ее лице становились заметнее.

– Так вы знаете, кто я, – сказал Гамаш. – Вы назвали меня старшим инспектором.

– Мне известна ваша должность, и да, посмотрев новости по телевизору, я вполне представляю, кто вы. И какой вы. – Ханья Дауд пробормотала что-то в сторону камина.

– Excusez-moi?³⁷ – не понял Гамаш.

– Мой французский недостаточно хорош? Я сказала, – она повысила голос, чтобы слышали все, – faible. – Она посмотрела на удивленные лица друзей и соседей. – Я правильно произношу это слово?

– Oui, – кивнул Габри и получил тычки локтями в бока от Оливье и Клары.

– Хорошо. Я только учусь. Французский – красивый язык. Я думаю, faible звучит лучше, мягче, чем английское слово. И имеет множество оттенков. – Теперь она обращалась напрямую и исключительно к Гамашу, другие для нее словно исчезли. – Это слово пришло мне в голову, когда я увидела вас в новостях сегодня, старший инспектор. Оно означает «слабый». «Маленький». «Малосильный». Я верно говорю?

– Это перевод, – согласился он, скорее испытывая любопытство, чем чувствуя себя оскорбленным. И с какой стати Хании Дауд оскорблять его? С какой целью?

Ханья поднялась из глубин кресла и заявила:

– Я отправляюсь спать. – Она посмотрела на Клару. – Кажется, я ночую в вашем доме. А на холме имеется роскошная гостиница и спа-комплекс.

---

³⁷ Здесь: простите, не расслышал (фр.).

– Да. Оберж³⁸, – подтвердила Клара.

– Отлично. Завтра я перееду туда. А теперь продемонстрирую «самодовольной толпе» жест обожания и пожелаю вам всем bonne nuit.

Она выставила средний палец.

Гамаш посторонился, чтобы пропустить ее, но она остановилась перед ним.

– Вы хотите знать, почему я назвала вас слабым?

– По правде говоря, мне все равно.

– Я думаю: так ли это на самом деле? Вас многое задевает, включая отношение к вам других людей. Вы знаете, что проповедует та женщина?

– Эбигейл Робинсон? – сказал Гамаш. – Oui.

– Массовое убийство. Я несколько раз просмотрела этот репортаж. Я узнала это выражение ваших глаз, когда вы смотрели на нее. В них была ненависть, верно? – Гамаш не опроверг ее предположение, и она продолжила: – Но вы не только не попытались отменить ее лекцию – вы ей жизнь спасли. Несмотря на ваши старания выдать это за героизм, суть вашего поступка мне ясна. Я раскусила вас, старший инспектор. Встречала тысячи таких, как вы. Вы жертвуете деньги. Думаю, даже на мое дело что-то пожертвовали. Вы будете подавать еду голодным и собирать одежду для бездомных. Вы будете произносить страстные речи, но и пальцем не шевельнете, чтобы остановить тирана. Вы хотите, чтобы это сделали другие. Вы хотите, чтобы это сделала я. Вы маленький. Слабый. Лицемер. Я думаю... – Она внимательнее всмотрелась в него. Ее глаза обшарили его лицо, остановились на шраме, пересекающем висок. – Да, я думаю, вы, наверное, хороший человек, – во всяком случае, вам нравится так считать. Порядочный. Но вы еще и faible. А вот я – нет. Я не порядочная и не слабая. – Когда Арман не ответил, она понизила голос. – Лучше не стоять у меня на пути.

– Ей вроде бы собираются дать Нобелевскую премию мира? – сказала Рут, глядя в спину уходящей женщине. – Кто у них еще в списке? Ким Чен Ын? Путин?

Мирна посмотрела на Армана:

– Ну как вы? Похоже, она задела вас за больное место.

Арман хохотнул:

– Виноват, не прикрылся.

«Больным местом», которое Ханя задела по догадке или по странному наитию, была недавняя мысль Гамаша. О том, что случилось бы, если бы он среагировал не так моментально...

И частично... частично он сожалел, что успел среагировать. Где-то внутри занозой сидел вопрос: не права ли Ханя Дауд, героиня Судана? Ему действительно не хватало мужества?

Уже во второй раз за два дня его обвиняли в трусости. И эти обвинения были связаны с Эбигейл Робинсон.

Он отправился домой вместе с Жаном Ги. По пути Арман думал о шрамах на молодом лице Хании, пытался представить, какой она была в детстве. До *этого*. Кем бы она стала, если бы родилась и выросла здесь.

Какой она стала бы, если бы ее щеки обдували зимние ветра, а не полосовало лезвие мачете. Он думал о том, каким бы был он, какой была бы Рейн-Мари, какими – Анни и Даниель, если бы они родились в той же деревне, что и Ханя Дауд.

Арман остановился на тропинке, ведущей к дому, закинул голову. Посмотрел в ясное ночное небо, на звезды в вышине. Жан Ги тоже остановился и взглянул вверх.

Хотя Жана Ги и разозлило то, что наговорила эта женщина, по большому счету он испытывал облегчение. Часть тяжелого груза свалилась с его плеч.

---

³⁸ От *фр.* auberge – гостиница с рестораном.

Поспособствовало улучшению его настроения и то, что он вспомнил о масляных тартах в жестяной коробке в кухне.

Арман тем временем разговаривал с Большим Ковшом, этим огромным небесным сосудом.

Жан Ги перевел взгляд с небес на тестя:

– Pardon?

– Я сказал: «Молитесь, чтоб не оказаться в аду, где гибнут молодость и смех»³⁹.

– Отлично, – кивнул Бовуар и подумал: «Только не говорите, что это стихи».

– Это стихотворение, – сообщил Арман.

«Только, бога ради, не длинное».

Арман посмотрел на зятя и улыбнулся:

– Она назвала нас «самодовольной толпой».

– Oui. – «Масляные тарты, масляные тарты». – И что?

– Я подумал: может, она имеет в виду слова из стихотворения Сассуна о Великой войне?⁴⁰

– Ну если бы все разговаривали стихотворными цитатами... Да и откуда ей знать эти стихи?

– Полагаю, она знает гораздо больше, чем можно догадаться, mon ami.

Включая «ад, где гибнут молодость и смех».

«Впрочем, – подумал Гамаш, – как и я».

---

³⁹ Две заключительные строки из стихотворения Зигфрида Сассуна «Самоубийство в окопах». Сассун (1886–1967) прошел Первую мировую войну, и его стихи этого времени носят откровенно антимилитаристский характер.

⁴⁰ Приведенные выше слова из стихотворения Сассуна обращены к «самодовольным толпам» тех, кто ликует при виде солдат, идущих воевать с врагом.

Глава десятая

– Вы ни за что не поверите!

На следующее утро Анни с топотом выскочила на лестницу. Домашние, услышав ее тяжелые шаги – бух, бух, бух-бух, – повернулись к двери, и Анни, почти пританцовывая, влетела в кухню.

Ее лицо горело, глаза сверкали от возбуждения, она обвела взглядом всех, кто сидел за большим сосновым столом, завтракая блинчиками и беконом.

– Здесь Хания Дауд.

– Что? – спросила Розлин, подняв голову и прекращая попытки счистить кленовый сироп со свитера Флоранс. – Здесь? В Трех Соснах? Я думала, она только завтра появится.

– Она уже приехала. Жан Ги и папа видели ее вчера вечером в бистро, – доложила Анни. – Ма, неужели папа тебе не сказал?

– Нет, – ответила Рейн-Мари. – Я спала, когда он пришел, а встала раньше него. Сейчас он принимает душ.

Стрелки показывали восьмой час утра предновогоднего дня, и за окном еще стояла темнота.

Когда Рейн-Мари оделась и спустилась по лестнице, свет был уже включен. В кухне хозяйничал Даниель: он растопил плиту и поставил кофе.

А еще она увидела Оноре, возившегося на полу у двери. Он успел облачиться в зимний комбинезончик и теперь безуспешно пытался натянуть ботинок не на ту ногу.

Его верные санки стояли рядом, Анри и Фред крутились тут же и тыкались в мальчика носом – сами были не прочь погулять. Маленькая Грейси, крысундук, оставалась в спальне Стивена, оба они еще крепко спали.

Рейн-Мари и Оноре вывели собак на улицу и прогулялись с ними вокруг деревенского луга. Анри и Фред играли в снегу, а Оноре тащил за собой свои санки на веревке и задавал бабушке вопросы:

– Что такое год? Зачем нам новый год? Старый сломался? Сколько блинчиков я могу съесть?

Он показал ей Большой Ковш, который на самом деле был выбранной наугад звездой, мерцавшей на предзвездном небе, после чего они вернулись в дом.

Когда бабушка с внуком вошли в кухню, все обитатели дома уже встали, налили себе кофе и посматривали на огромную сковородку – на ней шипел и потрескивал копченый бекон в кленовом сиропе.

Рейн-Мари приготовила первую партию черничных блинчиков.

Арман спустился из спальни и незаметно проскользнул в свой кабинет. Минуту назад он стоял у окна, смотрел, как Рейн-Мари и Оноре обходят деревенский луг.

День обещал быть великолепным и студеным. В такие дни возникает впечатление, что кристаллизуется сам воздух.

Гамаш сел за свой ноутбук, прочел сообщения, пришедшие за ночь.

Патрульные Sûreté на снегоходах искали брата Эдуарда Тардифа. Пока безуспешно. Район огромный, следов очень много, в лесу не счесть охотничьих домиков.

На видео, присланных слушателями лекции, не обнаружилось ничего полезного. Никаких указаний на возможного сообщника, который мог использовать хлопушки. Разве что это сделал сам Тардиф.

А Тардиф отказывался говорить. Гамаш собирался допросить его сегодня сам.

Он услышал, как вернулись Рейн-Мари и Оноре, как внучки сломя голову припустили вниз по лестнице к завтраку.

Просмотрев все послания и сделав себе заметки на память, он отправился в кухню, где уже собрались все, и тоже сел завтракать.

* * *

Анни, едва проснувшись утром, инстинктивно поняла, что мужа рядом нет. Она лениво провела рукой по кровати, чтобы наверняка убедиться в этом. Ладонь ощутила холодные простыни. Но не ледяные. Значит, он встал недавно.

Анни надела халат и прошла в соседнюю комнату. Там она и увидела Жана Ги – он сидел у кровати Идолы и смотрел на дочку.

– А где Оноре? – сонным голосом спросила она.

Жан Ги кивнул в сторону окна.

– На крыше? – усмехнулась она и подошла к мужу. – Замечательно.

Уже рассвело достаточно, чтобы Анни смогла разглядеть две фигуры.

Она улыбнулась, глядя на маленького Оноре, идущего рядом с бабушкой. Оба они были погружены в какой-то серьезный разговор. И она вспомнила, что вот так же когда-то гуляла с матерью. Она держала мать за руку, и они прогуливались по парку близ их квартиры в Монреале. И она рассказывала матери, как устроен мир.

Анни научилась слушать и слышать, лишь когда ей исполнилось двадцать и она уже была студенткой юридического факультета Монреальского университета.

– Я знаю, сегодня твоя очередь ее поднимать, – сказал Жан Ги. – Но ты не возражаешь, если это сделаю я?

– Шутишь. – Анни повернулась к мужу. – Я готова за это приплачивать. Слушай, – она внимательно посмотрела на него, – с тобой все в порядке?

– Почему ты спрашиваешь?

– Я подумала – не простудился ли ты. У тебя нос заложен?

Хотя в семье все были вакцинированы и в стране вот уже несколько месяцев не отмечалось новых случаев заболевания, за время пандемии они привыкли волноваться, услышав чей-то кашель.

– Почему ты спрашиваешь? Боже мой, нет, не говори. Неужели все так плохо? – Он наклонился над Идолой, потянул носом. – Я ничего не чувствую.

– Даже запах бекона?

– Разве пахнет беконом?

Это было бы чудом, подумал он, но тут же понял, к чему клонит Анни.

Она улыбалась ему:

– Если у кого-то и мог родиться ребенок, чьи какашки пахнут беконом, то только у тебя. Но нет – этот запах проникает сюда снизу. Обычно, когда ты чувствуешь запах бекона, тебя трудно удержать на месте, а я хочу, чтобы ты привел себя в порядок, прежде чем понесешься вниз.

Он ловко управился с подгузником и взял дочку на руки, поддерживая головку, как им показывали доктора. Анни видела, что теперь это получается у него естественно.

Держа Идолу на руках, он посмотрел на Анни, которая не сводила с него проницательного взгляда. У нее были отцовские глаза.

– Все в порядке? – повторила она.

– Я должен тебе кое-что сказать.

– Об Идоле? – спросила Анни, и тембр ее голоса вдруг стал выше.

– Non. Не совсем. – Он опустил на краешек кровати Оноре.

Анни села рядом с ним.

– И что это? Что-то плохое? Вчера что-то случилось? Мне показалось, ты был не в себе.

Жан Ги поднял Идолу повыше. Понюхал ее волосы. Почувствовал, как ее крохотные пальчики трогают его воротник.

– Вчера вечером в бистро, – сказал он, не глядя на жену, – мы разговаривали с твоим отцом.

– Да?..

И вот этот момент настал. Он рассказал ей, что нарушил приказ, оставил свой пост. Рассказал, что он чувствовал иногда, думая о дочери. Думая о принятом ими решении.

Он рассказал Анни все.

В том числе о Хании Дауд.

* * *

– У нас новости? – спросил Жан Ги, входя в кухню с Идолой.

Он нарядил ее в хорошенький комбинезон – подарок на Рождество от Стивена. Комбинезон был расписан розовыми мышками; каждая держала что-то похожее на кусочек сыра или лимонного пирога с безе.

– Non, – сказал Арман, целуя Идолу в лобик. – От нее хорошо пахнет. Новый порошок?

– Это же бекон, па, – фыркнула Анни и обратилась к Розлин: – Ох уж эти мужчины.

– Я знаю. Даниель много лет считал, что наши дети пахнут круассанами.

– А они что – не пахнут? – спросил Даниель и, скосив глаза, посмотрел на Зору.

Та рассмеялась.

– Я говорил с Изабель, – сказал Жан Ги, наливая себе кофе.

– Мы сегодня утром должны допросить Тардифа. Его адвокат, конечно, тоже приедет.

– Конечно.

Затем вниманием Армана, посадившего Идолу на колени, завладели Зора, Флоранс и Оноре – они наперебой рассказывали, как собираются провести день.

Вдруг телефоны Анни, Розлин и Рейн-Мари разногласно тренькнули: всем пришло сообщение от Клары, которая приглашала на завтрак с Ханией Дауд. «Кажется, это нечто большее, чем приглашение, – подумала Рейн-Мари. – Скорее, это мольба».

Розлин составила взволнованный ответ: «Да, спс. Так волнительно. Можно я приду с двочками? Мрси».

Текст не относился к литературным шедеврам, но Клара все поняла и тут же ответила: «Двочек лучше неприводить».

– Интересно почему, – протянула Розлин.

– Слишком страшно, – сказал Жан Ги, перехватывая взгляд Армана.

– Ты прав, – поддержала его Анни. – Мы не хотим смутить Ханию. Вероятно, сейчас ее легко ранить.

Рейн-Мари, которая с сожалением отклонила приглашение, сославшись на занятость, подошла к мужу:

– Я видела твой взгляд. Что случилось?

– Потом расскажу, – прошептал он.

Тарелки убрали, чтобы Анни и Розлин могли отправиться на второй завтрак с почетной гостьей.

Стивен к этому времени уже поднялся с кровати. Он, как всегда, явился к столу в крахмальной рубашке, свитере и серых фланелевых брюках. На тот случай, если все-таки будет создано заседание совета директоров.

– Все ищешь обезьянок? – спросил он у Рейн-Мари, получив кружку кофе.

Она пересела к печке в дальнем конце кухни и склонилась над большой картонной коробкой.

– Oui.

– И какой счет? – спросил он, присаживаясь рядом.

– Пока пятьдесят семь.

– Ну и странности у человека – коллекционировать обезьян, – сказал Стивен, поглаживая своего крысундука Грейси.

– Хотела бы я думать, что это самое странное из человеческих занятий.

Дослужившись до старшего архивиста Квебека, Рейн-Мари недавно решила уйти на пенсию и заняться консалтингом.

Сейчас она, выполняя заказ одной местной семьи, просматривала архив недавно умершей женщины. Та оставила детям наследство, не отвечавшее их ожиданиям: разваливающийся старый дом, множество коробок с одеждой, бумаги, всевозможные безделушки и совершенно неожиданную коллекцию. В ней были собраны обезьянки всех видов и мастей – куколки, открытки, мягкие игрушки, рисунки, раскраски... Все это лежало в коробках на чердаке.

Но гораздо большая коллекция обезьянок была нарисована от руки на всевозможных документах. Эту загадку Рейн-Мари надеялась разрешить.

– Есть что-то ценное? – спросил старый финансист.

– Пока не попало, – сказала она, держа изъеденную молью игрушечную обезьянку за ухо.

К жене и крестному подсел Арман с папкой в руках.

– Значит, так, – отрезала Рейн-Мари, – прежде чем ты с головой уйдешь в работу, расскажи-ка, почему ты переглянулся с Жаном Ги, когда мы говорили о Хании Дауд?

– Это означало, что, если Анни и Розлин надеются увидеть святую, их ждет разочарование.

– Почему? Что она собой представляет? – Когда он не ответил, ее глаза посерьезнели. – Чудо, что она вообще осталась жива, – с пониманием вздохнула Рейн-Мари, – и что собственную боль поставила на службу добру. Неудивительно, что она... – Рейн-Мари подыскала подходящее слово, – трудная.

– Oui, – сказал Арман. – И не только. Она определенно травмирована и, вероятно, неуравновешенна – в том смысле, что ясно различает зло в этом мире, но не имеет понятия о добре.

Впрочем, в проницательности Хании Дауд не откажешь, подумалось Гамашу. И если она не смогла прочесть его мысли, то разглядела сквозь трещины боль его разбитого сердца.

«Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь»⁴¹.

Интересно, подумал Арман, поняла ли Флоранс эти слова из «Маленького принца»?

Сам он в детстве не уловил их скрытого смысла. И, только повзрослев, понял, насколько они правдивы. Теперь он думал о Хании Дауд и о том, что она увидела. Своим собственным разбитым сердцем.

– Ах, еще одна из святых идиотов... – протянул Стивен. – Она не первая. Полагаю, большинство святых были идиотами, а? Да что там, даже в наших краях она не была бы первой.

– Вы не о себе говорите, Стивен? – спросила Рейн-Мари. – Потому что, по крайней мере по мнению Рут, к вам применимо только одно из этих слов.

– Правда? И ты доверяешь суждению сумасшедшей женщины, которая повсюду таскает с собой утку? И относится к этому существу как к своему ребенку, – верно я говорю, Грейси? – Он чмокнул крысундука в усатую мордочку.

Но и Рейн-Мари, и Арман знали, о ком говорит Стивен. Их местный «святотупица» жил в лесной хижине, предпочитая собственное общество всем прочим на земле.

---

⁴¹ А. Сент-Экзюпери. Маленький принц. Перевод Норы Галь.

И все прочие на земле отвечали ему взаимностью.

Они привыкли называть его так, он даже представлялся: «Святой Идиот» – и жители деревни почти забыли, кто он на самом деле.

– Я до сих пор ни разу с ним не встречался, – сообщил Стивен. – Так что же делает его идиотом?

– Поймете, если он появится сегодня, – сказала Рейн-Мари. – А вот его святость в глаза не бросается.

Арман улыбнулся. Так оно и было. Но это не означало, что святость вовсе отсутствовала. Этот человек большую часть своей жизни отдал служению так называемым уязвимым группам населения. Всеми забытым и отвергнутым. Он пытался сделать их существование сносным, хотя, нравились ему эти люди или нет, было большим вопросом.

– Теперь любопытство разбирает меня по-настоящему, – признался Стивен. – Вы думаете, он придет сегодня?

– Может быть, – сказала Рейн-Мари. – Вечеринка будет в доме его сына.

– В оверже, – кивнул Стивен. – Вы пойдете? – Вопрос был адресован в основном Арману.

– Надеюсь. На это стоит посмотреть.

Вообще-то, Гамаш надеялся, что ему не придется идти на вечеринку. Не то чтобы он не хотел этого, просто у него были другие планы, а именно арест и допрос подозреваемого. Сообщника. Гамаш предполагал, что закроет дело.

– Только что звонила Изабель, – сказал Жан Ги, подойдя к двери кухни. – Через двадцать минут она будет в старом университетском спортзале.

– Вон. – Гамаш поднялся и посмотрел на часы. – Я с тобой. Ректор и почетный ректор просили о встрече.

– В кабинете ректора, Арман? – спросил Стивен.

– Похоже на то.

Глава одиннадцатая

– Объяснитесь, – сказала Ханья Дауд, глядя на Розлин, смотревшую на нее широко раскрытыми глазами. – Вы проводите время, моделируя одежду для богачей?

* * *

– Объяснитесь, – произнес ректор Université de l'Estrie, сверля взглядом Гамаша.

Отто Паскаль сидел за своим большим столом, а Колетт Роберж, почетный ректор, – на высоком стуле, казавшемся довольно неудобным. Ректор не предложил Гамашу сесть.

– Oui. Как это могло случиться? – спросила почетный ректор.

Гамаш уставился на нее.

* * *

– Позвольте, я объясню, – сказал Эрик Вио, смотритель здания. Он стоял в бывшем спортивном зале с инспекторами Бовуаром и Лакост. – Все двери заперты, подключены к охранной сигнализации, выведенной в мой дом, – он махнул в сторону дороги и небольшого дома у въезда в университет, – и в службу безопасности кампуса. А еще система имеет мощнейшие сирены.

– И сигнализация не срабатывала за последнюю неделю? – уточнила Изабель Лакост.

– Нет. Ни разу.

– И никаких происшествий на Рождество не случилось? – спросил Бовуар, разглядывая шапочки и рукавицы, сумки и сапоги, лежавшие там, где их оставили.

Полицейские и смотритель стояли на том месте, где сработали хлопушки. Пол тут был слегка обожжен.

– Никаких. Этот зал не пользуется большим спросом. Мы его сдаем, только когда все другие заняты. Но в последнее время аншлага не было. На праздниках – тем более.

– Тогда почему зал затребовали для вчерашней лекции? – спросила Лакост. – И практически без уведомления? Все другие места были заняты?

Месье Вио удивленно посмотрел на нее:

– Вы спрашиваете об этом у меня? Я просто поддерживаю это помещение в приличном состоянии. И понятия не имею, почему кто-то выбрал его.

* * *

– Пойдите, Арман. – Почетный ректор поднялась со стула и выпрямилась у стола ректора. – Вы считаете, что все это могло быть спланировано и осуществлено самой профессором Робинсон? Для привлечения внимания?

– Я только говорю, что это одна из гипотез, которые мы рассматриваем.

Он рассказал обо всех гипотезах, разрабатываемых командой детективов. Интересно, почему почетный ректор остановилась именно на этой?

Отто Паскаль тоже встал. Он обошел стол и остановился рядом с почетным ректором, чуть впереди, вникая в их спор со старшим инспектором.

Паскаль волновался все больше. Разговор выходил за рамки его понимания, которое ограничивалось 600 годом до нашей эры и разграблением Фив⁴². Двадцать первый век был загадкой для египтолога. Он разглядывал лицо полицейского *Sûreté* так, словно нашел Розеттский камень⁴³.

– Вы арестовали человека, который стрелял. Что вам еще надо, зачем еще что-то откапывать? – продолжала напирать Роберж.

– А вам зачем? – парировал Гамаш. – Это делается на тот случай, если мы что-то упустили. Возможно, появятся другие улики. Полицейские, как и ученые, должны работать тщательно.

Доктор Паскаль был бледен и, судя по его виду, нуждался в том, чтобы снова сесть на место. И неудивительно. Авторитет в области иероглифического письма, он последние сорок лет провел если не сидя за столом, то склоняясь над ним. Кто-то говорил, что он способен только оглядываться в прошлое. В попытке сначала увидеть, а потом убедить остальной мир в том, что такое явление, как иероглифическая литература, действительно существовало.

Иными словами, доктор, а ныне ректор Паскаль полагал, что некоторые иероглифические тексты, считавшиеся выбитыми в камне документальными свидетельствами жизни и событий Древнего Египта, на самом деле являются древними эквивалентами романов. Главным образом триллеров.

То есть он сделал на это ставку. Посвятил свою карьеру умению превращать правду в вымысел. Казалось, именно к этому он и стремился во время разговора с инспектором полиции.

* * *

– Ну, я... – запинаясь, проговорила Розлин. – Да, я полагаю, что... И еще я моделирую детскую...

– Одежду для детей? – спросила Ханья. – Очевидно, это дети из состоятельных семей. И сколько стоит такая одежда?

Розлин пробормотала что-то в ответ.

– Простите, не разобрала, – сказала Ханья.

– Ну... – Розлин посмотрела на Клару, безмолвно взывая о помощи, но ее друг и хозяйка дома сегодня утром сама попала в эти жернова, причем не единожды, и теперь чувствовала себя как выжатый лимон.

Она встала с постели без большой охоты, но ее взбодрило предвкушение важных событий дня.

Ханья Дауд, любимица свободного мира, спала в соседней комнате.

Впрочем, уже не спала. Клара нашла ее в студии, где Ханья рассматривала картины, стоящие у стены.

– Это после выставки, – с порога поспешила пояснить Клара. – Еще не успела развесить.

Ханья, облаченная теперь в великолепный кафтан темно-зеленого шелка, повернулась к ней и сказала:

– И я понимаю почему.

И вот тогда Кларе показалось, что она выскочила на мороз без шапки. Ее щеки загорелись. И она отправила сигнал SOS Мирне, Рейн-Мари, Анни и Розлин. Мольбу о спасении души от этой святой идиотки.

---

⁴² *Разграбление Фив* – захват города ассирийцами во главе с царем Ашшурбанипалом в 663 году до н. э.

⁴³ *Розеттский камень* – стела, найденная в 1799 году в Египте возле городка Розетта и послужившая ключом к расшифровке египетских иероглифов.

Сейчас она вперилась в телефон, лежащий у нее на коленях, и послала короткое сообщение Мирне: «Ты где?»

«Извини. Не могу прийти».

«Не можешь или не придешь?»

«Да».

«Сука», – набрала Клара и снова нацепила улыбку на лицо.

– Какое у вас красивое сари, – сказала Анни.

Розлин с выражением благодарности на лице повернулась к золовке, которая отвлекла людоедку. Но Клара подозревала, что за этим скрывается нечто большее.

Это был тонкий укол фехтовальщика, указывающий Хании на ее лицемерие: она тут критикует Розлин, а сама-то разоделась! Кто-то же сшил ей это сари!

Вероятно, оно стоило немалых денег, возможно, было подарком богатого благотворителя, и не исключено, что над ним трудились детские руки в какой-нибудь адской потогонной мастерской в Индии.

– Это называется «абайя»⁴⁴, – поправила Хания. – Изготовлена в сети женских кооперативов, которые я сформировала в Нигерии. Они финансируются созданной мною банковской системой, во главе которой также...

Клара опасалась, что ее вырвет, да и Анни выглядела так, будто испытывает сильное головокружение.

Розлин же, напротив, подалась к Хании и впитывала каждое ее слово.

* * *

– Вы видели кого-нибудь постороннего в здании на прошлой неделе или около того? – спросила Изабель.

– Я думал, вы схватили стрелка, – сказал месье Вио.

– Схватили, – ответил Жан Ги. – Мы хотим выяснить, не было ли у него сообщников.

Говоря это, Жан Ги внимательно вглядывался в месье Вио. Какой будет реакция? Едва заметное изменение цвета кожи, ритма дыхания? Рывок к двери?

Но зритель спокойно слушал его.

– Никто не просил вас показать здание в течение, скажем, последних двух недель? – продолжил Бовуар. – Не проводились ли тут какие-либо работы? Ремонт?

– Рабочих не было, но парень один заходил. Хотел устроить танцы с целью сбора пожертвований – ему кто-то сказал, что зал можно снять дешево.

– Вы оставляли его одного? – спросила Лакост.

– Нет.

– Вы водили его в другие помещения этого здания?

– Нет, только зал показал.

– Он мог здесь что-нибудь спрятать незаметно для вас? – спросил Бовуар.

Месье Вио задумался, потом отрицательно покачал головой:

– Нет, я все время был с ним. Я бы заметил, если что.

– Не этот к вам приходил? – Изабель показала ему фотографию Эдуарда Тардифа.

Вио несколько секунд разглядывал фотографию, затем кровь отхлынула от его лица.

– Oui. – Он посмотрел на них. – Значит, я впустил сюда стрелка?

– Вы не могли этого знать, – сказала Изабель. – Так он и снял этот зал?

– Об этом лучше спросить в администрации.

---

⁴⁴ Абайя – традиционное арабское женское платье с длинным рукавом.

– Шеф как раз там. – Бовуар достал телефон. – Разговаривает с ректором и почетным ректором.

– Счастливый человек, – заметил Вио.

– Узнаю, сможет ли он добыть эти сведения.

Жан Ги принялся набирать текст, а Лакост обратилась к зрителю:

– Чтобы не осталось никаких неясностей – этот мужчина приходил один?

– Oui.

– Вы уверены?

Теперь Вио задумался.

– Ну, я никого больше не видел, хотя кто-то ведь мог с ним прийти. Ждать снаружи.

– Когда этот человек приехал, вы отперли двери, – сказала Изабель. – Следом за ним мог кто-нибудь еще проникнуть в здание незаметно для вас?

Вио задумался, потом кивнул:

– Да, пожалуй.

Лакост и Бовуар переглянулись.

– Большинство тех, кто снимает зал, сначала его осматривают? – спросил Бовуар.

– Я бы сказал, почти все.

– Тогда кто осматривал помещение из группы, сопровождавшей профессора Робинсон? И когда?

Вио наморщил лоб.

– Они не осматривали зал. Мне, по крайней мере, об этом неизвестно.

– А как они узнали об этом месте? – спросил Бовуар. – И кто снимал зал для нее?

* * *

Из окна ректорского кабинета Гамаш видел здание бывшего спортивного зала.

Потом он перевел взгляд на ректора Паскаля и на почетного ректора Роберж.

Старший инспектор заново пережил и обдумал все, что произошло день назад. Шаг за шагом. Составил доклад. Перечислил факты.

– И какой сценарий наиболее вероятен? – поинтересовался ректор Паскаль.

– На данном этапе я не могу этого сказать.

– Не можете или не скажете? – решила уточнить почетный ректор.

Гамаш не ответил.

– По существу, старший инспектор, вы говорите, что рассматриваете все варианты, – сказал ректор.

– Кроме вторжения инопланетян – да.

– Включая и тот вариант, что происшествие спроектировала сама профессор Робинсон, – добавил Паскаль.

– Да, это одна из гипотез.

– Это мало чем отличается от космической версии, – произнесла почетный ректор с усталой улыбкой. Последние двадцать четыре часа ни для кого не были легкими. – Мне такая гипотеза представляется ложной корреляцией. Вы соединяете несоединимое.

– Мы должны рассматривать все варианты, какими бы фантастическими они ни казались, – возразил Гамаш.

Хотя гипотеза, согласно которой профессор Робинсон сама организовала покушение на свою жизнь, представлялась ему все менее вероятной. Слишком большое число переменных. Слишком много компонентов, которые могут не сложиться.

Будучи статистиком, она должна была знать это. Пошла бы она на такой риск?

Он в этом сомневался.

– Каким образом в зале оказался пистолет? – спросил ректор. – Не мог же стрелок войти туда с оружием?

– Не мог. Вероятно, он заранее спрятал пистолет где-то внутри.

Гамаш решил не сообщать о том, что у Тардифа, скорее всего, был сообщник.

Ректор, пожалуй, вызывал у него симпатию.

Отто Паскаль возглавлял маленький университет – можно сказать, правил сонным царством, – а проснувшись сегодня утром, погрузился в хаос. В кампусе действовала полиция, сновали журналисты со всего Квебека, и вскоре они съедутся со всей страны, со всего мира.

Администрации уже, наверное, приходится отвечать на неудобные вопросы перепуганных родителей. Те подумывают, не забрать ли отсюда детей. И не только по причине стрельбы.

И все журналисты, и многие родители задаются вопросом: как научное учреждение могло допустить проведение в своих стенах лекции Эбигейл Робинсон – той, кого большинство считает сумасшедшей?

Ректор Паскаль со страдающим видом посмотрел на свой стол, где его интерпретации ожидали фотографии последних находок в Долине царей.

Отто Паскаль в своей научной работе предложил теорию иероглифической литературы только потому, что никто другой до этого не додумался. И потом в течение четырех десятилетий он медленно приходил к пониманию того, как это случилось.

Как бы то ни было, его теория принесла ему некоторую известность. Конечно, не такую шумную славу, какая обрушилась на его университетского соседа по комнате, – тот в качестве шутки (во всяком случае, не без доли иронии) и в рамках этого же дискурса решил провозгласить, что иероглифы, да и сами пирамиды были творениями космических пришельцев.

Чужой успех выводил Паскаля из себя. Как же он сам-то не догадался? Почему его заиклило на этой нелепой литературной теории?

– Господин ректор?

– Что?

Старший инспектор Sûreté кивнул на окно.

За окном ректор Паскаль видел оскорбительное здание спортзала. Просто какой-то архитектурный гнойник – если таковые существуют!

– У вас из окна отлично виден спортзал, – сказал Гамаш. – Насколько я понимаю, вы не замечали, чтобы там что-то происходило на прошлой неделе?

– Я? Нет. Меня вообще здесь не было.

При этих словах Паскаль покосился на свой стол. Обратив на это внимание, Гамаш подошел поближе. На столе лежали распечатки двухдневной давности.

Ректор заметил взгляд Гамаша:

– Только ради этого и приехал. Я сначала взял их домой, а потом привез обратно, когда понял, что придется пробегать тут весь день, как на пожаре.

Он уставился на старшего инспектора так, будто университет действительно горел и это Гамаш поднес к нему спичку.

Тот подавил желание напомнить, что он просил, умолял как ректора, так и почетного ректора отменить эту лекцию.

Завибрировал телефон: пришло сообщение от Бовуара.

– Нам нужно знать, кто арендовал помещение для профессора Робинсон.

– Все службы администрации закрыты на каникулы, – сказал ректор Паскаль.

Гамаш вскинул брови:

– Но кто-нибудь из ответственных лиц может прийти сюда, как вы считаете? Много времени это не займет. Мне бы не хотелось выписывать ордер.

– В этом нет нужды, – сообщил ректор. – Через час я предоставлю вам эту информацию.

– Bon, merci, – кивнул Гамаш. – Тогда, если ко мне нет вопросов...

– Сожалею, что вы не запретили лекцию после нашего разговора, Арман, – говорил ректор Паскаль, провожая Гамаша к двери, – но при этом благодарен вам и вашим людям за то, что вы сделали.

Гамаш увидел сочувственное выражение на лице Колетт Роберж.

– Я думаю, что смогу доставить вам нужные сведения, – сказала она. – Мой кабинет в административном здании. У меня есть ключ.

Глава двенадцатая

Гамаш оглядел помещение, потом посмотрел на Колетт Роберж:

– Это ваш кабинет?

– Oui. Я бы пригласила вас сесть, но...

Сесть было некуда, разве что на старое заляпанное вращающееся кресло за столом, которое, судя по его виду, нашли на мусорной свалке.

Гамаш видел тюремные камеры побольше и поуютнее.

– Никто не предполагал, что почетный ректор будет всерьез работать, – усмехнулась Роберж, опершись о стол, заваленный бумагами.

– Назначая вас, они явно не знали, что их ждет. – Затем выражение лица Гамаша стало серьезным. – Почему мы здесь, Колетт?

– Я пригласила вас, чтобы отдать вам заявку на бронирование зала, которую вы просили.

– Ее можно было бы отсканировать и отправить по почте. И это не обязательно было делать почетному ректору.

– Верно.

Он ждал.

– Я думаю, вы догадываетесь, почему я позвала вас сюда.

– Я думаю, мне не хочется догадываться.

Она кивнула, потом потянулась к ящику стола.

– Заявку с чеком оплаты я могу отдать вам прямо сейчас. Они под рукой, искать не нужно. – Она вытащила бумагу из ящика, но не торопилась передавать ее Гамашу. – Эбби позвонила мне перед Рождеством.

– Вы прежде не говорили этого.

– Не говорила. А теперь говорю. В этом нет ничего необычного. Большинство людей, которые не очень близки, но хотят поддерживать отношения, вспоминают друг о друге к Рождеству. Она прислала мне свою работу, подготовленную для Королевской комиссии, и я следила за спорами вокруг ее теории. Она сказала, что хотела бы приехать повидаться.

– Но они с помощницей остановились не у вас. Сняли номер в «Мануар-Бельшас», верно? Я отправил туда агентов на случай, если кто-нибудь попытается учинить там неприятности.

– В моем доме и без того гостей было предостаточно, вы сами видели, – так что мы не могли их принять. Но...

– Да?

– Мы вчера вечером говорили по телефону. Она и Дебби настолько потрясены... Я пригласила их сегодня к нам. А дети могут поспать внизу на диванах.

Гамаш прикинул: пожалуй, это хорошее решение. Легче защитить частный дом, чем отель.

– Когда Робинсон сказала вам, что хочет приехать, она не сообщила о цели приезда?

Теперь Колетт улыбнулась:

– Я предположила, что ей требуется моя мудрость, мой совет. Но оказалось, ничего подобного. Никакие советы ей не нужны.

– И она не говорила, что хочет прочитать лекцию, пока будет здесь?

– Нет. Никакой лекции не планировалось.

– И откуда же она тогда взялась?

Теперь по лицу почетного ректора было видно, что она испытывает чувство неловкости.

– Боюсь, что это я ее спровоцировала. Я мимоходом сказала ей – скорее в шутку, вовсе не имея этого в виду, – что, если ей нужно как-то оправдать поездку, пусть прочтет лекцию. И она перезвонила мне через два дня...

– Перезвонила? То есть вы не обменивались ни письмами по электронной почте, ни эсэм-эсками?

– Нет. Одни телефонные разговоры.

Арман взял это на заметку. Значит, вешдоков не будет. Нет никакого способа подтвердить сказанное документально, можно только утверждать, что были звонки. Но содержание разговоров тоже нужно принимать на веру.

– Она спросила, есть ли у нас какое-то помещение, арена, которую она могла бы арендовать. Я решила, что теперь шутит она. Арена! Но потом я нашла запись ее последнего выступления и увидела там толпу зрителей.

– Значит, это вы забронировали для нее спортзал?

Бумажка в руке почетного ректора ясно говорила о том, что ответственность за это несет именно она, тем не менее подтверждение ее участия стало неприятным потрясением для Гамаша.

– А что я могла поделать? Ведь я сама это предложила.

– Могли бы сказать, что у вас нет помещения. Отклонить просьбу. Отказать. Солгать. – Он смотрел на нее, пытаясь понять, как человек, которого он всегда считал умным, мог сотворить такую глупость. И тут ему в голову пришла одна мысль. – Вы не хотели ей отказывать... На самом деле вы сделали ей это предложение, зная, что она за него уцепится. Вы хотели гарантировать ее приезд. Зачем?

Почетный ректор Роберж сжала губы и положила документ на гору папок, загромождавших стол.

– Она гениальна, у нее такой же блестящий интеллект, как у ее отца. Но она пошла вразнос, сделала выводы, которые оказались не только ужасными, но и в самом деле неправильными. Да, я хотела, чтобы она приехала. Я чувствовала себя в долгу перед ее отцом. Я хотела понять, что с ней случилось. Вернуть ей здравомыслие.

– И поэтому вы дали ей возможность прочитать лекцию? – спросил он.

– Да знаю я, знаю... – вздохнула она. – Слушайте, я ведь считала, что никто туда не придет. Заранее не объявленная статистическая болтовня по-английски в сельском Квебеке в праздничные дни между Рождеством и Новым годом... Эта идея изначально казалась провальной. Пока там не собралась куча народу, я и не думала, что хоть кто-то явится.

– Ладно, это уже случилось. Забудем на время. Но, Колетт, если целью ее приезда была не лекция и не встреча с вами, то зачем она сюда собиралась?

– Я тоже задавала себе этот вопрос. Она никогда прежде не приезжала – так почему сейчас? Я думаю, она хотела увидеть кого-то, кто мог бы ей помочь.

– Она не говорила кого?

– Нет. А я не спрашивала.

– Это правда?

Довольно странно, что ученый, специалист по статистике, мало-мальски не интересуется, с кем желала встретиться здесь профессор Робинсон. Да хотя бы из чувства ревности. Чьи авторитет и положение могли быть выше, чем у почетного ректора университета?

Гамашу это показалось весьма любопытным.

– Да, правда, – ответила почетный ректор. – Это меня не касается.

– Это очень даже касалось вас, Колетт.

– Уже нет. Я давно отошла от такой захватывающей отрасли знаний, как статистика.

Ее попытка самоиронии показалась Гамашу неудачной. Он продолжал смотреть на нее, а молчание мучительно тянулось и тянулось.

А потом почетный ректор заговорила серьезным тоном:

– Эбигейл – уникальная личность, Арман. Она притягательна, и трудно противиться ее обаянию. Вы ведь видели ее вчера.

Он ее видел. Не многие могли бы, читая лекцию по статистике, завладеть вниманием публики, состоящей главным образом из людей, которые ненавидят математику. Почетный ректор Роберж была права. Ее прежняя студентка умела очаровывать. Причем делала это, не прибегая к артистическому искусству, – она говорила тихим голосом, таким тихим, что людям приходилось напрягать слух. У нее был добрый, сочный голос, звучавший убедительно, потому что убедительность давалась ей без всяких усилий.

– Вы хотите сказать, что она действовала на вас гипнотически? – спросил он.

– Я хочу сказать, что есть люди, которым хочется угодить. Эбби из таких.

– Профессор Робинсон появилась здесь два дня назад, за день до лекции, – сказал Арман. – Вы ее видели?

– Нет.

У Гамаша был немалый опыт – он чувствовал, когда от него что-то скрывают. Он не был уверен, солгала она сейчас или просто увильнула от ответа, то есть утаила то, о чем ее не спрашивали.

Потом он вспомнил минуту перед самым началом лекции, когда он спросил профессора Робинсон, представит ли ее кто-нибудь. Она ответила «нет», но взгляд ее скользнул к дверям.

У него создалось впечатление, что профессор тянет время. Ждет кого-то и будет ждать до последней минуты, а может, и дольше.

– Вы должны были прийти туда? Профессор Робинсон просила вас представить ее?

– Нет.

Категорическое «нет» было произнесено слишком быстро.

Он не поверил.

– Почему вы не сказали мне всего этого, когда я приходил к вам?

– Я не думала, что это существенно. – Поймав его взгляд, она исправилась: – Не хотела, чтобы кто-то знал о моем участии. Я почти сразу же пожалела, что приняла заказ на аренду, но отменять что-либо было слишком поздно...

– Тогда еще не было слишком поздно! – отрезал он. – Я приехал к вам, практически умолял вас отменить лекцию, но вы отказались. Вы сожалеете об этом или нет? Говорите одно, а делаете совершенно другое!

– Повторюсь, – вспыхнула она в ответ, – я не думала, что кто-то придет. Мне показалось, вы чрезмерно перегибаете палку и отмена выступления лишь вызовет ажиотаж, пусть лучше Эбби прочтет свою лекцию, и тогда вся эта шумиха уляжется естественным путем.

Роберж сразу же пожалела о своих словах. Она стояла, держась за край стола и чуть подавшись к Гамашу, а теперь опустила голову. Потом подняла ее и посмотрела ему прямо в глаза:

– Простите. Я определенно была не права. Вот, возьмите. – Она протянула ему заявку с прикрепленным к ней чеком.

– Здесь не ваше имя – «Тайлер Виджен». Кто он такой?

– Никто. Я не хотела подписываться своим именем и придумала это.

Гамаш сложил листок, сунул его в карман, потом посмотрел на нее:

– Вы причастны к этому?

– К стрельбе?

– Не надо делать вид, что вы потрясены. Вы читали ее работу, вы пригласили ее сюда. Вы забронировали помещение для лекции и могли пройти туда в любое время.

– Но вы же взяли стрелка.

– Взяли, но, возможно, у него был напарник.

– Если и был, то не я. – Затем она прищурилась. – Вы считаете, что пистолет оказался в зале, потому что кто-то другой принес его туда.

– Да, мы рассматриваем такую вероятность. И если так оно и было, то этот человек где-то на свободе. Вы уверены, что хотите пригласить профессора Робинсон и мадам Шнайдер домой? Туда, где сейчас ваши внуки?

Почетный ректор Роберж уставилась на него, мысли ее метались. Наконец она кивнула:

– Спасибо за предупреждение. Мы будем крайне осторожны, обязательно включим сигнализацию.

Арман смотрел на нее в ожидании продолжения. Когда такового не последовало, он спросил:

– А дети?

– Они останутся до уик-энда. У них лыжные соревнования.

– Вы приглашаете к себе в дом человека, на жизнь которого уже покушались, причем второй потенциальный убийца остается на свободе. Вы не думаете, что детей следует увезти?

Она подумала, тяжело вздохнула:

– Вы правы. Мне так хотелось, чтобы они побыли у меня... Они будут разочарованы.

– Зато живы. Я командирую агентов к вашему дому для охраны. А попозже заеду к вам поговорить с профессором.

Он надел вязаную шапку, потом остановился у двери.

– Вы сказали, что Эбигейл Робинсон была и остается гениальной.

– Да. Гений в своей области.

– Если она такой гений, то как она свела статистику пандемии к неправильным выводам?

– Ничего такого она не сделала.

– Pardon?

– Я проверяла ее исследование, ее статистику. Даже отправляла на предварительное исследование одному близкому другу, мнение которого я очень ценю. Он пришел к тем же выводам. Она не ошиблась.

– Но вы сказали, что она пошла вразнос, что...

– В нравственном плане это ужасно, но фактически верно.

* * *

– Господи Иисусе, мужчины, вы что, не чувствуете запаха? – возмущалась Изабель.

– Какого запаха? – спросил Жан Ги и посмотрел на Армана, тот в явном недоумении отрицательно покачал головой.

Гамаш пришел к ним в подвал здания спортзала. Временный штаб группы расследования решили оборудовать в бывшей мужской раздевалке.

Технари тащили провода, компьютеры, столы, стулья, доски.

Не сказать, что тут творился хаос, но нечто весьма родственное ему.

– Словно кто-то сунул окский сыр⁴⁵ в потный носок, завернул в старую кожуру банана, а потом сел на него, – поморщилась Изабель. – И просидел десять лет.

– А-а-а, – сказал Гамаш. – Вы об этом.

– А мне нравится, – заявил Жан Ги.

Арман рассмеялся.

– Может, тут есть менее вонючее место? – спросила Изабель, оглядываясь. – Например, душевая.

Месье Вио вернулся с листком бумаги – он переписал имя и номер телефона человека, с которым встречался неделей ранее.

– Mercı, – сказала Лакост.

---

⁴⁵ *Окский сыр* – полутвердый сыр, который первоначально делали монахи-трапписты в местечке Ока, провинция Квебек.

Она прочла написанное, потом показала Гамашу и Бовуару.

Выражение их лиц не изменилось.

Эдуард Тардиф.

Удивило их только то, что Тардиф даже не попытался назваться другим именем.

– Есть тут где-нибудь место потише, чтобы нам поговорить?

– Я могу поставить стол и стулья на сцене наверху, если хотите, – предложил зритель.

Пока Вио занимался этим, полицейские вышли на свежий воздух. Изабель сделала долгий-долгий, глубокий вдох.

Гамаш прищурился на солнце и показал на здание неподалеку:

– Там кабинет ректора Паскаля.

Построенное из плитняка здание было очень старым, очень привлекательным, с ярко-красной металлической крышей, имеющей наклон лыжного трамплина, – такие крыши характерны для patrimoine québécois⁴⁶. Дом был построен век назад, и он сохранился в своем первоначальном виде. Он являл собой резкий контраст брутальной архитектуре спортзала, возведенного в начале шестидесятых.

– Оттуда хорошо виден спортзал.

– Да, но ректор говорит, что заглядывал ненадолго в свой кабинет несколько дней назад.

И ничего не видел.

– Он так говорит? – спросил Бовуар. – И вы ему не верите?

– У ректора склонность к фантазиям, но... – Гамаш задумался на несколько секунд. – Думаю, он не лжет.

– Между прочим, он мог спокойно войти в спортзал, – заметил Бовуар.

Гамаш попытался представить, как Отто Паскаль крадется к бывшему спортивному залу, открывает дверь, проходит внутрь и прячет пистолет. Но воображение не справилось с задачей.

Дверь у них за спиной открылась, и месье Вио сказал:

– Все готово и ждет вас.

Прежде чем подняться на сцену, Гамаш поднырнул под полицейскую ленту и прошел в середину зала. Обугленное пятно на полу указывало, где были взорваны хлопушки. И откуда производились выстрелы.

Он стоял почти там же, где находился Тардиф. Почему на таком большом расстоянии от сцены? Почему стрелок не подошел ближе, чтобы поразить цель наверняка?

Может быть, он вовсе и не хотел попадать в нее. А может, Тардиф предполагал, что с этого места ему будет проще бежать.

Гамаш посмотрел на двери. Да. Выигрышное место для того, кто планирует побег. Но не самое подходящее, если в планы входит убийство профессора Робинсон.

Он посмотрел на пол. На предметы, оставшиеся там, после того как люди в толкучке устремились к дверям.

Рядом с обожженным пятном лежала зимняя шапочка «Абс». Безошибочно узнаваемая вязаная красная шапочка с большой буквой С для фанатов хоккейной команды «Монреаль Канадиенс», которых любовно называли «Лез абитан». «Абс».

Такие шапочки были очень популярны. Почти у каждого квебекца имелась такая. И Гамаш не сомневался, что и у него есть – лежит где-то среди зимней одежды.

И все же...

Он подозвал одного из техников и попросил, чтобы шапочку упаковали и отдали на лабораторный анализ.

---

⁴⁶ Здесь: квебекских имений (фр.).

Поднявшись на сцену, Гамаш подошел к ее краю и оглядел зал. Он стоял, сцепив руки за спиной, как капитан корабля, оглядывающий горизонт: не появилась ли земля. Или айсберг. К нему присоединились Жан Ги и Изабель. Встали по бокам от него.

– Вы о чем думаете, patron? – спросила Изабель.

– Я думаю, что месье Тардиф стоял дальше, чем следовало.

Она удивленно посмотрела на него. Удивленно – потому, что сама не обратила на это внимания.

– Верно. Почему же он не подошел поближе? – нахмурился Бовуар. – Тогда бы он не промахнулся.

– Может, поэтому и не подошел, – сказал Гамаш, подходя к столу в центре сцены. – Еще один вопрос к нему.

Смотритель вернулся с тарелкой песочного печенья в виде рождественских елочек и снеговиков, с серебряными шариками, похожими на крупную дробь и в такой же мере съедобными.

Еще он принес три кружки крепкого горячего чая.

Полицейские поблагодарили его и приложили ладони к кружкам. Зима проникла в большое пустое помещение, и руки сами искали тепла.

Старший инспектор кивнул, и Лакост с Бовуаром сообщили ему об их разговоре с Вио.

– Похоже, цель посещения спортзала Эдуардом Тардифом состояла в том, чтобы отвлечь зрителя, а кто-то другой в это время спрятал в помещении хлопушки и пистолет, – сказала Изабель.

– Вероятно, его брат, – предположил Бовуар. – Копы в Абитиби не оставляют попыток найти его, но вполне возможно, что его там нет. Мы разослали его фотографию и данные о нем.

Гамаш сделал глоток чая и посмотрел на помятую шапочку «Канадиенс», все еще лежавшую на полу.

– Если предположить, что сообщником был не его брат? – сказал он, пытаясь вообразить это. – Если предположить, что сообщник во время лекции тоже находился здесь? Он явился сюда несколькими днями ранее и спрятал эти вещи.

Гамаш говорил, а перед его глазами мелькали, как в фильме, мысленные образы. Мужчина в шапочке «Абс» входит в зал вместе с толпой. Потом он ускользает из зала. Возможно, идет в туалет. Берет из своего тайника хлопушки и пистолет. Незаметно вручает пистолет Тардифу.

– Может быть, он должен был привести в действие хлопушки, посеять панику, – сказала Изабель, – чтобы Тардиф в это время мог стрелять без помех.

– Может быть, когда после взрыва хлопушек все бросились к дверям, он собирался подбежать к сцене, – выдвинул свою версию Бовуар, – и, воспользовавшись суматохой, застрелить профессора.

– Но почему тогда для начала не подойти поближе? – спросил Гамаш.

– Возможно, он так и планировал, но, увидев вас и агентов перед сценой, понял, что после выстрела ему не уйти, – рассуждал Бовуар. – Его шансы на побег повышались, если он занимал более отдаленную от сцены позицию.

– Ладно. Мы должны продолжать поиски брата Тардифа, но не упускать из виду, что в деле мог участвовать кто-то другой, – сказал Гамаш. – А как насчет осветителя и звукооператора?

– Они студенты, – сообщил Бовуар. – Не исключено, что Тардиф заплатил им, чтобы они захватили с собой кое-что в упаковке. А что внутри, они не знали.

– Но разве они не должны были бы заявить об этом? – заметила Лакост.

– У вас не было детей студенческого возраста, – усмехнулся Гамаш. – Это все равно что жить в одном доме с хорьком.

Он вспомнил о Грейси и подумал, что они, вероятно, именно так и живут.

– Я поговорю с ними, – сказал Бовуар. – Я знаю, как к ним подойти.

– С каких это пор? – спросила Изабель.

– С тех пор, как мне вручили служебный пистолет. Мы еще не должны забывать о зрителе.

– Oui, – согласился Гамаш.

С месье Вио следовало поговорить, хотя Гамашу не хотелось думать о нем как о соучастнике.

Итак, на жизнь профессора было совершено преднамеренное покушение. И хотя лекцию не предваряла рекламная кампания, все же был человек, который одним из первых узнал о предстоящем мероприятии, располагал достаточным временем для подготовки к покушению и лучше всех знал помещение, где ожидалась лекция: зритель.

Впрочем, думал Гамаш, глядя в огромное окно на административное здание, был и другой человек, имевший еще большие возможности.

Глава тринадцатая

Они слушали, а старший инспектор Гамаш рассказывал о своем разговоре с двумя ректорами университета: действующим и почетным.

– Ничего особенного, – признал Гамаш, закончив рассказ. – Главным образом я отвечал на их вопросы.

Потом заместители старшего инспектора узнали содержание его приватной беседы с почетным ректором Роберж. Он увидел, как интерес на лицах Изабель и Бовуара сменился удивлением.

– Значит, она забронировала спортзал для профессора? – процедил Бовуар. – И даже не заикнулась об этом при первом вашем разговоре?

– Non.

– Она не только забронировала зал, – сказала Изабель. – Идея лекции тоже принадлежала ей. О чем еще она умалчивает?

Бовуар взял лист бумаги, который Гамаш положил на стол, рассмотрел.

– Она и фамилию чужую использовала. Кто он такой?

– Роберж просто выдумала это имя. Ну давай продолжай свою мысль.

– Я знаю, вы с ней дружите, patron, – сказал Жан Ги, – но впечатление создается такое, что почетный ректор увязла в этом деле по горло.

– Согласен. Впечатление именно такое. Но разве наша постоянная проблема не в этом? Вещи, которые в нормальной жизни кажутся вполне объяснимыми, хотя и странноватыми, приобретают совершенно иной смысл, если совершается преступление. В подобных случаях часто запрашивается ложная интерпретация.

– Она обманывала вас, – напомнила Изабель. – Написала несуществующее имя на документе. Что тут можно неправильно интерпретировать?

– У меня нет желания защищать Колетт Роберж. Но вот вопрос: считаю ли я, что она стоит за попыткой покушения на жизнь Эбигейл Робинсон? Я отвечаю: нет. Я думаю, в худшем случае она не хотела, чтобы кто-то узнал о ее помощи профессору Робинсон, поэтому она лгала и заматала следы.

– Вы считаете, она поддерживает Робинсон? – спросил Жан Ги.

Арман глубоко вздохнул:

– По правде говоря, я не знаю.

– Но она приглашает в свой дом Робинсон и ее помощницу, – произнесла Изабель. – Это о многом говорит.

– Это говорит о том, что она хороший друг, – уточнил Гамаш. – И вовсе не подтверждает, что она согласна с профессором. Более того, Роберж сказала, что делает все это во имя дружбы с отцом Робинсон.

– Нужно побеседовать с ним, – предложила Изабель.

– Это невозможно, – возразил Гамаш. – Он давно умер.

– Значит, она делает это ради мертвеца? – хмыкнул Жан Ги. – Высокие отношения.

Деревянный стул заскрипел, когда Гамаш медленно откинулся на спинку. Спустя несколько секунд он спросил:

– Изабель, если бы на жизнь твоего знакомого, пусть далеко тебе не близкого, было совершено покушение, ты пригласила бы его к себе в дом?

– Да, пригласила бы, – ответила она, подумав.

– И при этом в доме оставалась бы твоя семья?

– Нет, конечно. Семью я бы вывезла.

Гамаш кивнул и посмотрел на Жана Ги.

Тот сказал:

– Я поступил бы так же.

– И все же, когда Колетт услышала о сообщнике, о том, что я не исключаю второго покушения, она не заявила, что дети немедленно уедут из ее дома. Мне пришлось ее убеждать.

Изабель задумалась на секунду, потом припечатала:

– Приглашать потенциальную жертву покушения в дом с детьми может только тот, кто наверняка знает: никакого второго покушения не будет.

Гамаш слушал, кивал. Он и сам так думал.

Бовуар уперся локтями в столешницу и подался к собеседникам:

– А почетный ректор Роберж могла быть уверена, что второго покушения не будет, только в том случае, если она участвовала в первом. Если была сообщницей.

– Или если она знает сообщника, – добавил Гамаш. – Я начинаю думать, что прежде ошибался. Почетный ректор Роберж, по-видимому, вовлечена в эту историю гораздо глубже.

– И она приглашает Робинсон в свой дом, – сказал Бовуар. – Может быть, нам помешать этому?

Гамаш задумался, потом отрицательно покачал головой:

– Если она каким-то образом замешана в этом деле – а это пока под большим вопросом, – то ни в коем разе не допустит второго покушения в своем доме. Нет, я думаю, ее дом будет самым безопасным местом для профессора Робинсон.

Бовуар встретился взглядом с Лакост. Они оба поняли, что старший инспектор произнес свое знаменитое решающее слово.

* * *

– Ее нет? – с порога спросила Мирна, не решаясь войти в дом Клары дальше прихожей. Она вытянула шею, чтобы заглянуть в кухню. – Я все еще чую запах серы.

– Должно быть, это от Рут несет. – Клара поспешила закрыть дверь: на улице стоял мороз. Потом повернулась к Мирне. – И да, она переехала в оберж. Кстати, ты такая говенная подружка!

– Тортик?

Клара приняла из рук подруги шоколадный торт с таким видом, что сразу становилось ясно: это не означает, что они квиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.